

КРЕСТЬЯНКА

№ 9
СЕНТЯБРЬ
1955

Край родной

Музыка Ф. МАСЛОВА.

Слова И. РЫЖИКОВА.

Над моей стороной
Расцветает вдали
Молодая заря.

Припев: До чего ты красив,
До чего хорош,
Край родной!
Твой простор голубой
Я по-русски люблю
Всей душой.

Краше нив золотых
И лугов заливных
Не встречал я нигде.

Припев: До чего ты красив,
До чего хорош,
Край родной!
Твой простор голубой
Я по-русски люблю всей
душой.

Ты цветы, расцветай,
Дорогой, милый край,
Вся Отчизна моя!

Припев: До чего ты красив,
До чего хорош,
Край родной!
Твой простор голубой
Я по-русски люблю
Всей душой.

Умеренно

Замедлить

В темпе. Певуче

Над мо - ей сто - ро - ной рас - цве - та - ет в дя -

ли мо - ло да - я за - ря. До че -

го ты кра - сив, до че - го хо -

рош, край род - ной! Твой про - стор го - лу - бой я по -

рус - ски люб - лю - всей ду - шой

Замедлить

Для повторения

В темпе

Для окончания

Замедлить

В темпе

Замедлить

КРЕСТЬЯНКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 9
СЕНТЯБРЬ
1955

34-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МАШИНЫ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ.
На Липецком тракторном заводе.
Фото Н. Маторина.

СОРЕВНОВАНИЕ

А. СТАНКЕВИЧ,

бригадир полеводческой бригады

Фото С. Вильтмана (ТАСС).

— Теперь держись, Александра Прокофьевна! — сказал мне бригадир второй полеводческой бригады Василий Григорьевич Ивахненко, подписывая договор о соцсоревновании.

— Нам не привыкать! — ответила ему звеньевая по кукурузе Аня Гончаренко. — Ведь наша первая полеводческая бригада не один год держит первенство по колхозу.

Вскоре комиссия нашей бригады приехала к «соперникам» посмотреть, как они подготовились к весеннему севу.

Осмотрели мы все хозяйство второй полеводческой, прямо скажу, придирчиво, но неполадок не нашли. Однако заметили, что они не переняли одну новинку.

Спрашивает нас Василий Григорьевич:

— Выходит, полный порядок?

— Да нет, Григорьевич, — отвечаю. — Отстающая ваша бригада.

Вскочил мой Григорьевич с лавки.

— Как это понимать?

И рассказала я ему, что механизаторы на полях нашей первой бригады спарили сеялки «СШ-6», тем самым высвободили на каждой по 3 человека и что теперь на севе на двух «СШ-6» будут работать не 14, а всего 8 сеяльщиков.

В тот же день Василий Григорьевич с механизаторами своей бригады приехал к нам на полевой стан перенять наше новшество.

Уезжая, отозвал он меня в сторонку и говорит:

— Ты ко мне, Прокофьевна, с открытой душой ездись, ну, так и я к тебе с тем же. Скажи мне, как ты правильность квадратов при севе кукурузы и подсолнечника проверять будешь?

— Метром измерять, — отвечаю.

— Так ведь точности мало в таком измерении. Искривление линии не сразу заметишь.

Вынул он из кармана чертеж, на котором изображено печатное большое «Т».

— Сделай-ка и себе вот это из деревянных реек, — говорит.

Надо сказать, незаменимым оказался нехитрый «инструмент» этот при квадратно-гнездовом севе. Положишь деревянное «Т» верхней переключкой по ходу сеялки, прямо вдоль рядка, как семена легли, а продольная переключка ложится поперек во всю ширину захвата сеялки, и по размеченным на рейках расстояниям между гнездами точно определяешь, правильные или неправильные получаются квадраты.

Закончили обе бригады сев успешно. А сев был в нынешнем году необычный: с одной стороны, вес-

на поздняя, затяжная и холодная, а с другой — впервые сеяли мы кукурузу на таких больших площадях. В прошлом году в колхозе было посеяно 270 гектаров этой культуры, а в нынешнем — 1 012 гектаров.

Когда пришло время пропалывать ее, у меня, прямо скажу, руки опустились. В нашей бригаде было 337 гектаров, а звеньев по кукурузе всего два. Да зерновых и подсолнуха в бригаде свыше тысячи гектаров. А колхозников у меня под началом всего 52 человека.

Присылало правление и в нашу и во вторую бригаду на прополку колхозников с других участков. И здесь-то нарушились наши добрые отношения с бригадиром второй.

Пришлют к нему на прополку людей больше, чем мне, — я шум

поднимаю, у председателя в кабинете по столу стучу; мне пришлют больше, — Василий Григорьевич к председателю летит «правду искать». Встретимся — в глаза друг другу не смотрим, будто враги.

Кончилась наша «война» неожиданно. Встретились мы как-то на поле. Я ему прямо и говорю:

— Смешно получается, Василий Григорьевич: дело у нас общее, а «воюем». Давай-ка сообщим правлению, чтобы все без исключения колхозники, где бы они ни работали, пропололи кукурузу. А для этого надо каждому выделить для прополки от одного до полутора гектаров. Тем же, кто работает непосредственно в полеводстве, — втрое, вчетверо больше.

Смотрю, потеплели глаза у бригадира.

— По рукам, Прокофьевна!

В тот же день выложили мы председателю свои соображения. Потом заседало правление колхоза и одобрило наш план.

И споро у нас прополка пошла. ▶

Каждый колхозник знает, сколько ему прополоть, где его участок. И нам, бригадирам, легче качество проверить: работа каждого как на ладони. За май — июнь провели мы три — четыре прополки, а в соседнем колхозе имени 2-й пятилетки прополка велась по-старому; до самой уборочной они воевали с сорняками, и нельзя сказать, чтобы успешно.

К нашей кукурузе подойди — каждый стебель видишь, а у них за сорняками стеблей не найдешь.

В середине июля началась у нас жатва. На поля моей бригады вывели свои комбайны Степан Слышко и Борис Соляник. Оба комбайнеры опытные, не первый год работают с нами.

В дни жатвы соревнование, как правило, захватывает всех. Соревнуемся и мы, полеводы, соревнуемся и механизаторы. Слышко соревновался с комбайнером Галкиным, работавшим на полях наших «соперников». Приедешь в степь к Слышко, а он уже с мостика кричит:

— Сколько Галкин выкосил?

Так же и Галкин Василия Григорьевича встречал:

— Сколько у Слышко?

На них глядя, и остальные комбайнеры стали следить за тем, сколько в соседней бригаде скашивают. И влились механизаторы в наше межбригадное соревнование.

Решил Перемитчик, бригадир девятой тракторной бригады, которая закреплена за нами, скирдовать солому по-новому: не только копны к месту скирдования тракторами стягивать, но и на скирду копны трактором подавать. Решено — сделано. В результате освободилось десять колхозников.

Не успели мы еще освоить как следует новый способ скирдования, как механизаторы из второй полеводческой бригады переняли наш метод. А через день шлют к нам мальчонку с запиской. В ней сказано: «Скирдоправа себе заведите, человека, который бы руководил всеми операциями при скирдовании. Мы завели — дело лучше пошло, чем у вас».

— Совет дельный, — сказал Перемитчик, прочитав записку. И тоже выделил скирдоправа.

Был в бригаде участок ржи в 18 гектаров. Полегшую, всеми ветрами перепутанную и на редкость густую, трудно было убирать ее комбайном. Но убирать вручную — сколько времени на это уйдет. А стоять ей никак нельзя, через дня три осыпаться начнет, половину урожая, а то и больше потеряем.

И говорю я Слышко:

— Выручай.

— Не могу, — отвечает, — я с этой рожью возиться. Ее дня на три хватит, а за это время меня Галкин гектаров на 75 обгонит. И рад бы, да нет мне расчёту, Прокофьевна.

На первый взгляд — прав он. Три дня будет косить рожь, а за работу втрое — вчетверо меньше получит, чем на пшенице.

Однако я от своего не отступаю. Стала на совесть бить.

— Эх, Степан Алексеевич, — говорю. — Не думала я, что единоличник ты.

— Я единоличник?! Ты, бригадир, слова осторожней выбирай. Ты еще пешком под стол ходила, когда я на трактор сел. Да я...

Словом, крепко его задела, вижу, кипит человек.

А я снова, да спокойно так, словно и не замечаю:

— А как же иначе-то назвать мне тебя, Степан Алексеевич? Потеряет бригада наша на этой ржи центнеров 100 зерна, если во-время не убрать ее. На всех наших колхозников пятно ляжет, и хоть ты на 100 гектаров Галкина обгони, все равно будет наша бригада за потерю эту на самом последнем месте.

Тут и соломокопильщицы Марфа Таран и Мотя Порубец к Слышко подступать стали.

— Веди на рожь машину, если совесть есть!

И Слышко повел. Днем чертыхался и убирал рожь, а как солнце садилось, спешил на пшеницу переехать и до утра косил ее. Не отстал он от Галкина и в конце уборки разделил с ним районное первенство в соревновании комбайнеров.

Однако и по сей день вспоминает комбайнер те 18 гектаров ржи, не будь которых обогнал бы он Галкина гектаров на 50, не меньше. Вспоминает, но не жалеет.

Мне же думается, что полегшая рожь, которую довелось косить ему, подняла в душе его последнюю залежь, оставшуюся еще с доколхозных времен. Выше стал человек, красивее.

Сейчас уже можно подвести итог нашего соревнования за год.

Колосовых взяли по 20 центнеров с гектара, на 2 центнера перевыполнили социалистические обязательства. И хотя по урожайности и наша и вторая полеводческая идут ровно, снова первенство в соревновании осталось за нами. Подвела «соперников» очистка зерна на току. Частенько простаивали у них зерноочистительные агрегаты, и поэтому хлеб государству возили с токов нашей бригады. Сдачу хлебопоставок наш колхоз закончил одним из пер-

Сев озимой пшеницы в первой полеводческой бригаде. За качеством сева следит сама А. П. Станкевич.

вых в районе. Уже выдано на трудодень авансом по 2 килограмма хлеба.

И вот, когда стали выдавать хлебный аванс, звеньевая по кукурузе Полина Сергеевна Лалова сказала мне с горечью:

— А ведь могли больше дать, если бы весной урожаем не убавили.

И знаю я, не о лишнем килограмме думала Лалова, говоря эти слова.

Припомнила она, что не подвезли во-время суперфосфат и не была поэтому проведена подкормка посевов. Не меньше чем полцентнера на гектаре потеряли. Умножить эти полцентнера на 2 900 гектаров, что были у нас зерновыми засеяны, — немалая цифра получится.

Припомнила и то, как озимые бороновали по весне.

— Ведь ты подумай только! — возмущалась она. — Я тракториста Дениса Парфеновича Лычмана за 250 растений, что попортил он по недосмотру при культивации кукурузы в моем звене, поедом ела. А вот руководители наши районные да эмтээсовские за то, что дали приказ тяжелые бороны на озимые посева этой весной пустить, ни перед кем не отвечают.

Тяжело вспоминать про весеннее боронование озимых. Считаю мы, что неправильно дали команду из района — повсеместно провести боронование в ранние сроки. Не посчитались с тем, что весна в этом году была затяжная, холодная. Осенью же озимые были посеяны в сухую землю и начали давать всходы лишь в ноябре месяце, когда прошли дожди. К весне озимые вышли слабыми, нераскутившимися. Росток еще слабо держался корнями за почву, не окреп, и тяжелые бороны вырвали часть растений из земли, часть засыпали землей. Будь весна теплая, засыпанные землей растения пробудились бы к жизни, но влага и холод — в таком случае плохие помощники слабому ростку, и он нередко гибнет.

По своему почину мы провели вместо боронования каткование посевов с легким рыхлением даже не боронами, а пущенными сзади катков метлами из сучьев. Так мы обработали 342 гектара, где озимые были посеяны не по чистому пару, а по лущевке после кукурузы. И урожай там равен урожаю с тех полей, на которых озимые высевались по чистому пару, но бороновались тяжелыми боронами. А ведь каждому колхознику хорошо известно, что озимые по чистому пару должны давать урожай на 3—4 центнера с гектара выше, чем на непаровых полях.

И говорят колхозники: для плана бороновали, чтобы сводку начальству представить; попозже для пользы дела бороновать надо было, и не тяжелыми боронами. Весной нашим районным руководителям следовало бы поехать по колхозам, посоветоваться с людьми насчет того же боронования.

И уверена я, что тогда соревнование принесло бы больше пользы.

Литературная запись В. КОВАЛЕНКО.

Колхоз имени Орджоникидзе,
Никопольский район,
Днепропетровская область.

Зеленый пассажир

М. ТИМОНИН

Поезд мчится в светлый полдень мая,
Пар плывет и тает над рекой;
Женщина в вагоне обнимает,
Как дочурку, яблоньку рукой.

А сама немножко задремала,
Близ нее задумала прилечь,
Простыней ее опеленала,
Чтоб ростки пахучие сберечь.

Дым табачный по вагону бродит,
Кто-то песни продолжает петь.
Осторожно пассажиры ходят,
Чтоб ее плечами не задеть.

Вечереет, поезд с гулом мчится,
Стынет в речке солнечный закат.
Чуть в окошко яблонька стучится,
Из вагона хочет выйти в сад.

Огород

Н. ЛИЩЕНКО

Огород разрастается густо,
Он укропом и тмином пропах.
Спозаранку надела капуста
Сто зеленых и белых рубах.

Разбросав свои плети на воле,
Огурец между грядками лег.
И стручок перезрелой фасоли
Весь набит, как тугой кошелек.

Хмель украдкой ползет на ограду,
Загляделся подсолнух в окно...
В этот год потрудились, как надо,
Огородное наше звено.

Праздник ДРУЖБЫ

Каждые два года собирается молодежь всего мира на свой праздник. Пятый Всемирный фестиваль молодежи проходил в августе этого года в Варшаве — столице Польской Народной Республики. На празднество прибыли тридцать тысяч юношей и девушек из ста сорока четырех стран.

Пятнадцать дней на улицах, площадях, стадионах, в театрах, клубах Варшавы молодые люди разных стран показывали свое мастерство в народных танцах и песнях, участвовали в спортивных состязаниях.

Веселой, шумной была в эти дни Варшава. Этот старинный, существующий уже семь веков город в 1944 году был почти полностью уничтожен гитлеровцами. Трудолюбивый польский народ отстроил вновь свою прекрасную столицу. Но еще видны в Варшаве ужасные памятники войны. В дни фестиваля на одном из разрушенных домов висел огромный плакат, летящая бомба, а под ней слово: «Нет!» Это слово «нет» хором повторяли тысячи людей, собравшихся на площади имени Сталина в день открытия фестиваля.

— Нет! Не бывает больше войны! — эта мысль объединяла всех участников фестиваля. Какой счастливой и праздничной будет жизнь во всем мире, если все народы будут жить в дружбе, если огромные средства будут затрачиваться не на во-

оружие, а на повышение благосостояния людей — об этом думали все собравшиеся на замечательный праздник!

Варшавский фестиваль внес большой вклад в борьбу за мир, за счастливую жизнь во всем мире.

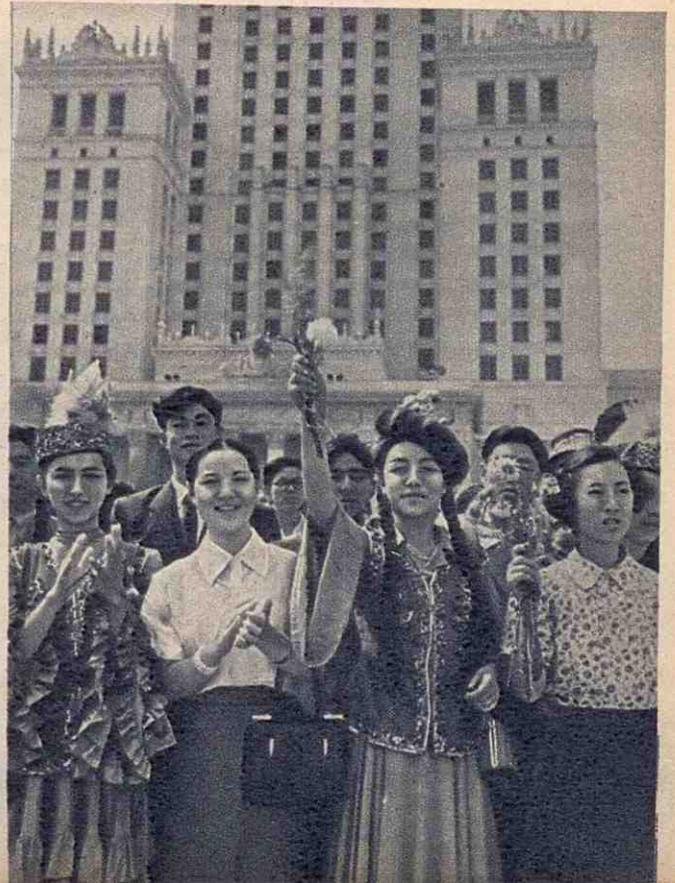
Фото В. Егорова (ТАСС).

На снимках:

Выступают спортсмены Польши (вверху).

Участники фестиваля посадили в Центральном парке культуры и отдыха новую аллею из голубых елей. Ее назвали «Аллея дружбы».

Посланцы Народного Китая приветствуют своих друзей. ↓

Праздник ДРУЖБЫ

На снимках:

Улицы Варшавы заполнила жизнерадостная молодежь
(вверху).

Молодые танцовщицы исполняют народный индийский танец.

↓ Японская молодежь обучает австрийцев своим песням.

На трибунах почета спортсменки Советского Союза, Польши
и Румынии, занявшие первое, второе и третье места в между-
народных спортивных играх.

БРИГАДИР

Веселина ГЕНОВСКАЯ

КОГДА на собрании кооператива села Грудово было решено послать Станку Граматикову учиться в одногодичную школу бригадиров, та растерялась.

Образования у нее не было: двенадцати лет, не окончив начальной школы, Станка вынуждена была пойти в прислуги. Правда, в кооперативе Станка работала хорошо. Но одно дело работа, другое — учеба.

Парторг ободрил смущенную Станку.

— Твой отец, — сказал он, — ничего не боялся. Он участвовал в Сентябрьском восстании против фашистов и был посажен в Бургасскую тюрьму. А ты курсов испугалась.

Станка задумалась.

— Если нужно, постараюсь, — прошептала она.

...Директор школы, просмотрев документы, оглядел Станку с ног до головы и воскликнул:

— Чудесный бригадир-полевод!

Станка, краснея, тихо сказала:

— Для работы в поле гожусь. Но тут что я буду делать с книгами, не знаю.

— Если справлялась там, справишься и здесь, — сказал директор.

На первых лекциях Станка совсем расстроилась. Она не успевала записывать. На всех переменах и до позднего вечера приходилось переписывать у других. Однажды подруги застали ее в слезах. К ней подошли преподаватели и директор.

— Что с тобой, Станка? Получила плохие вести из села? Скучаешь по мужу и ребенку?

Но Станка качала головой.

— Верните меня, верните, пока не поздно. Зачем зря деньги переводить?

— Вернем, вернем, — успокаивали ее. — Только не плачь. Вернем, но... отличницей.

На первом же экзамене по земледелию Станка получила отличную оценку, и ее начали ставить в пример всему классу. А в августе она вернулась домой с дипломом отличницы и наградой.

Сперва Станку послали работать в звено, но уже через два месяца она стала бригадиром.

Станка разработала производственный план своей бригады, чтобы получить как можно больший урожай. Ведь этому ее учили в школе. «Мужчины ничего не могли поделывать, а она хочет повысить урожай», — шептались недоверчиво в бригаде.

Трудно было Станке. Каждое агротехническое мероприятие проводилось не легко. И хотя она не добилась того, о чем мечтала, все же ее бригада по урожайности всех культур вышла на первое место.

На следующий год Станке стало легче: в ее знания поверили. Все члены бригады работали с увлечением. А сама она не ходила — летала. Станку приняли в партию, и это удвоило ее силы. Особенно порадовал бригаду хлопок: вместо 4,5 центнера с гектара, предусмотренных по плану, собрали по 12,6 центнера на всей площади. А с 23 гектаров, подкормленных древесной золой, — по 22,6 центнера.

И вот когда, казалось, все пошло на лад, Марин, муж Станки, выступил на собрании кооператоров и потребовал, чтобы жена вернулась домой смотреть за домом и ребенком.

— Есть у меня жена или нет? — протягивал он руки к собравшимся. — Дом запустел. Больше я не могу.

Ребенок, о котором он так сокрушался, тринадцатилетняя Тодорка, тоже была на собрании. Она села среди женщин, подавала отцу знаки, чтобы он замолчал. Ведь она помогает дома!

Хлопчатник становится одной из важнейших технических культур в Болгарии. На снимке — сбор хлопка в трудовом кооперативно-земледельческом хозяйстве Горно-Оряховской околин.

Болгарская крестьянка.

Но Марин не унимался. Он бил себя в грудь и всячески доказывал, какой он несчастный.

Но он ничего не сказал о разговорах по вечерам в темных закоулках, о том, как ему нашептывают, что счета в хозяйстве запутаны, что на трудодень вряд ли получат больше двух левов (лев — болгарская денежная единица). И ведь разве он не мужчина! Оставили его где-то в хвосте, а жену назначили бригадиром.

Марин правды не говорил, но кооператоры догадывались, в чем дело. Они знали, что есть в селе люди, которым кооператив стал поперек пути.

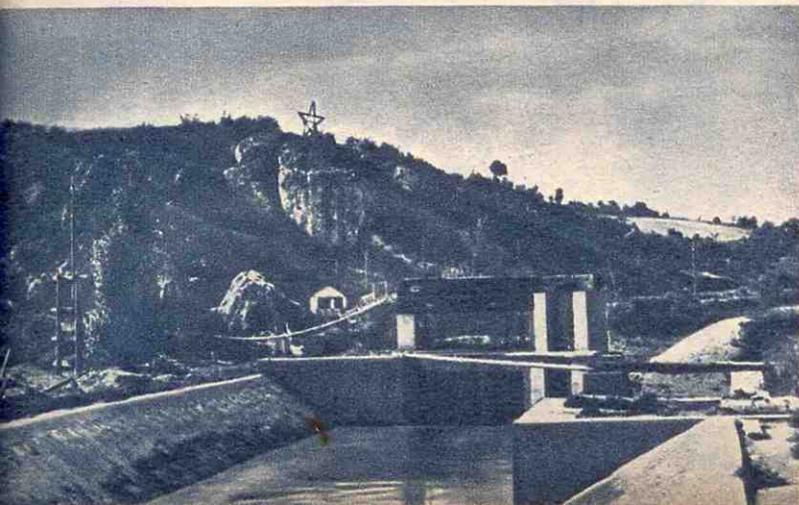
Станка поразилась. Она начала понимать, что муж повторяет чужие слова, и лихорадочно думала, что ему ответить. В это время слово взял бывший бригадир, ее предшественник.

— Нет смысла посылать женщин в школы и на курсы, — заявил он, — побудут, как Станка, без году неделю и уйдут.

Тут уже Станка не выдержала.

— Товарищи, разве я сказала, что уйду? Поста бригадира я не покину. Помните, когда меня посы-

Новые оросительные системы помогают значительно повысить урожайность в Народной Республике Болгарии. На снимке — канал Червенобрежской оросительной системы.

пали на курсы, моего мужа спросили: не задержит ли он меня дома, когда я вернусь с учебы? Он тогда ответил, что ничего против не имеет. Не так ли было, Маринчо? — обратилась она к мужу.

Но тот, даже не взглянув на жену, пошел к выходу.

После собрания женщины обступили Станку.

— Что ты теперь будешь делать? Как вы помириться? — с тревогой спрашивали они.

— Не бойтесь. Все уладится, — улыбалась Станка, но губы ее дрожали.

Когда она пришла с дочерью домой, окошко в кухне светилось, но дверь была заперта.

— Маринчо! — окликнула Станка тихо, чтобы не слышали соседи. — Отвори.

— Некому мне открывать, — зло ответил Марин. — Иди в хозяйство, твой дом там. Тодорке отворю, а тебя знать не хочу.

Он приоткрыл дверь.

— Входи, Тодорка.

Но девочка прижалась к матери.

— Я войду только с мамой.

— Ну, как хочешь. — Дверь захлопнулась.

— Маринчо, — снова постучала в дверь Станка, — отвори, нужно поговорить.

Марин не отозвался. Тогда начала стучать девочка.

— Папа, отвори.

Дверь наконец отворилась.

Станка села против мужа на табуретку, положила руки к нему на колени и пристально посмотрела в глаза.

— Помнишь, с чего мы начали? Помнишь, как жили, пока не вступили в хозяйство?

Станка вспомнила лишения и невзгоды, какие пришлось претерпеть в молодости.

— Ты не спрашивай, как мы начали, скажи лучше, чем кончим. Как дадут нам по леву — два на трудодень, тогда посмотрим, что ты с ними будешь делать.

— Подожди, — сказала Станка. — Цыплят по осени считают.

На другой день все село ждало, выйдет ли Станка с бригадой на работу или останется дома.

Ранним утром та как ни в чем не бывало пошла на поле.

Целых два месяца не прекращалась борьба в доме Станки.

Когда подвели итоги года, Марин Грамматиков узнал, что деньгами на трудодень приходится по 7,5 лева. А вдвоем со Станкой они выработали 1 150 трудодней. Он прикинул в уме, и у него потемнело в глазах от стыда. За что он так обидел жену? Зачем попался на удочку?

Семья Грамматиковых получила столько зерна, что и в амбаре не уместилось, а кроме того им выдали растительное масло, вино, брынзу, шерсть.

Веселые и довольные Станка и Марин вместе с дочкой поехали в Бургас покупать платье, обувь, новую мебель.

Однажды вечером, когда Станка составляла годовой производственный план бригады, к ней подошел Марин, положил ей руку на плечо и тихо сказал:

— Ты уж прости, что я так...

Сокращенный перевод с болгарского.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

ИЗМОТАННЫЙ нелегкой службой, директорский «газик» вихлял и дребезжал на каждом ухабе, но Евдокия Андреевна Зайчукова давно привыкла к плохо наезженной дороге. Откинувшись на спинку сиденья, в который раз вспоминала Евдокия Андреевна вчерашний разговор на пленуме обкома партии. Да, можно сказать, что ее «проработали»... А за что? Трудилась, кажется, не хуже других.

Евдокия Андреевна вспоминала свой приезд в Казахстан. Одна за другой в ее памяти вставали картины зимней жизни на целине. Вот 16 ноября 1954 года, день ее приезда. Пустынные, заснеженные пути 78-го разъезда, и в дальнем тупике единственный вагончик, предназначенный для будущей центральной усадьбы совхоза «Двуречный». И она около этого вагончика, в центре маленькой группы будущих совхозных работников. Тогда, в первый день, были здесь и рабочие, а не одни лишь руководители, как в десятках других совхозов, — директор, его заместитель, главный агроном, главный инженер... Как помогли ей семеро демобилизованных пареньков — трактористов и шоферов — в те первые, самые трудные дни! Ведь без них никак не сумела бы Евдокия Андреевна осуществить свой план. Состоял он в следующем. Все знакомые Зайчуковой директора новых совхозов в первую очередь заботились о том, чтобы обзавестись базами на железнодорожных станциях — помещениями, где можно разместить на зимнее время людей, куда можно подогнать машины, подвезти горючее и запасные части. Собраться там за зиму с силами, а по весне двинуться в степь уже с десятками тракторов и вагончиков для жилья, с готовым сплоченным коллективом в сотни людей... Но Евдокия Андреевна понимала: в зимнем безделье коллектив не сплотишь — и потому решила с первых же дней вывезти людей в степь, обосноваться там накрепко, чтобы весной, в посевную, не думать уже ни о жилье, ни о дальних перевозках.

Спустя несколько дней раздобытый в ближнем Жаныспайском совхозе трактор оттащил на место будущей центральной усадьбы первый двуреченский вагончик. Трактор вел демобилизованный сержант Валентин Глазов, рядом с ним в кабине сидела Евдокия Андреевна. Несколько часов новоселы таскали по степи вагончик, пока наконец не облюбовали место для центральной усадьбы на высоком берегу Ишима. Здесь не только воду, но и топливо можно было раздобыть в изобилии: берега реки заросли густым тальником.

К вечеру его прутья уже разогрели железную печурку в вагончике, и в прихваченном Евдокией Андреевной из дому, с Приднепровья, чайнике закипела студеной ишимская вода. Всю ночь не погасал огонь в раскрас-

Директор совхоза «Двуречный» Е. А. Зайчукова.

невшейся печурке, и все-таки наутро стены и потолок вагончика побелели от инея.

Утром трактор двинулся обратно на станцию за новыми вагончиками, за новыми людьми, а Евдокия Андреевна с приехавшими с нею рабочими принялись наводить порядок в своем первом жилище: шпаклевали щели в стенах, обивали войлоком пол, тщательно промазывали окна.

Изо дня в день в двуреченской усадьбе появлялись новые люди — почти все недавние солдаты, и 12 декабря, когда в Казахстане проходили выборы народных судей, на центральной усадьбе совхоза были зарегистриро-

ваны 38 избирателей. А кроме них, здесь уже жили и маленькие новоселы — не менее десятка детишек.

Нелегко им было добираться на «Двуречный» этой суровой зимой.

Когда перевозили семейство шофера Барагуры, задул бурян, водитель потерял направление, горячее кончилось, — и людям пришлось сутки дожидаться в степи, пока подоспел подмога. Никаких припасов с ними не было. В ложке топили снег, чтобы напоить двухлетнюю дочку Барагуры — Светочку.

Но зато на усадьбе детишек сразу окружили заботой и лаской. Особенно вспоминались сейчас Евдокии Андреевне новогодние празднества 1955 года. Главный агроном Лея Яковлевна Гольберг привезла из районного центра — Киймы — настоящую большую елку, раздобыла там же новогодние игрушки, и утром 1 января вокруг изукрашенной елки заплясали совхозные ребяташки. Потом пели, читали стишки, изумлялись подаркам — пачкам печенья, коробкам конфет с московскими и киевскими этикетками. Евдокия Андреевна веселилась вместе со всеми, плясала, придумывала детские игры, но нет-нет, да и вспоминались ей собственные, теперь уже взрослые дети.

На строительстве атбасарского зернохранилища работают две подруги-комсомолки — Ирина Польчий из Кривого Рога (справа) и Раиса Тищенко из Днепрпетровска.

Утром в полевом стане третьей тракторной бригады.

Трактористы совхоза нашли в степи маленьких лисят и отдали их детям. На снимке: сын тракториста Граблевского Сережа и дочь учетчика Безъязычного Вера вместе с поварихой А. Вахрушевой ухаживают за лисятами.

В нелегкую пору они росли, но и тогда, в начале тридцатых годов, когда Евдокия Андреевна вместе с мужем организовывала колхозы и совхозы на Украине, старалась она доставить радость своим и чужим ребяташкам.

Вслед за новогодними празднествами Евдокии Андреевне вспоминались вьюжные февральские дни. В начале февраля на двуреченскую усадьбу приехали переселенцы из Черкасской области — Григорий Ильич Томченко со своими братьями, племянниками и племянницами. Народ все здоровый, работающий — настоящие хлеборобы. Только одеты были совсем не по-казахстански — кто в сапогах, а кто и в ботиночках, кто в кепке, кто в легкой фуражке, кто в ватнике, кто в демисезонном пальто. И вот на следующий же день Евдокия Андреевна решила отправиться с тремя грузовыми машинами в Атбасар за зимней одеждой и другими необходимыми новоселам вещами. В Атбасаре она достала даже больше, чем рассчитывала: кроме валенок и полушубков, раздобыла кой-какие станки для мастерских, оконное стекло, гвозди, паяльные лампы, мешки для зерна, матрацы и простыни для общежития. Загрузили машины и тронулись в обратный путь, когда на степь уже надвинулся затяжной февральский бурян.

Шесть дней длилась эта поездка. Впереди, прокладывая путь, пробирался директорский «газик», за ним гуськом тяжелые ЗИСы. По нескольку раз в час машины останавливались, директор, главный агроном — все, кто ехал в головном «газике», — брались за лопаты, отбрасывали снег; потом опять продвигались на километр, на полкилометра, а то и на сто метров...

Трудная была поездка, но зато по-зимнему приодетые вышли на работу черкасские переселенцы. А поехав за семьей, Томченко привез из родной Чичеркозовки новое пополнение — семьдесят парней и девочек. «А отчего б им и не поехать в «Двуречный»? — объяснял он свой успех. — Туда, где о тебе заботятся, всякого потянет».

Уже к марту, к моменту приезда основных новоселов, на двуреченской усадьбе было построено шесть домов и оборудовано для жилья двадцать вагончиков, а в мае домов стало четырнадцать — больше, чем в любом другом новом совхозе Акмолинской области. В посевную двуреченским руководителям куда меньше, чем их соседям, приходилось думать о бытовых вопросах, и это не могло не сказаться на настроениях рабочих, на ходе работы. Сев «Двуречный» закончил одним из первых и целины распахан больше любого другого совхоза области.

И все-таки, надо признаться, об ней недаром говорили на пленуме. Да, поработали двуреченцы хорошо, но она, директор совхоза, не всегда умеет смотреть далеко вперед...

* * *

До секретаря совхозной партийной организации Сергея Кирилловича Якименко дошли слухи о том, что двуреченскую директоршу крепко «пробури» на пленуме

обкома партии, и поэтому не удивительно, что он с нетерпением ждал возвращения Зайчуковой. И вот она вернулась, быстро убежала в вагончик, где жили совхозные руководители, перехватила настороженный взгляд парторга, усмехнулась ему в ответ:

— Слышал, значит, про пленум?.. Слушай теперь, что делать будем...

Лицо Зайчуковой было уже серьезным, сосредоточенным.

— Вот что, Якименко, — твердо, как всегда, сказала она. — Просчитались мы с тобой, крепко просчитались... Момент не учли — того, что ступенькой выше наш с тобой совхоз поднялся и такие теперь перед ним требования можно поставить, какие перед другими хозяйствами не поставишь...

Все время с первого дня у совхозного коллектива была четкая ближайшая задача — создание в пустынной степи механизированного зернового хозяйства на 30 тысяч гектаров. Для этого они вели зимой стройку, быстро и хорошо отсылались, к началу июня распахали больше половины целинных земель.

А вот не учла главного: что уже сейчас нужно думать о создании не чисто зернового, а многосторонне развитого хозяйства, с тысячей дойных коров, с десятком тысяч свиней на откорме, с десятками тысяч кур, гусей, уток, со своим большим садом, с валовым доходом в 30—40 миллионов рублей ежегодно... Конечно, нынешней осенью такого хозяйства не создашь, но за полтора — два года его создать можно, и заботиться об этом надо начинать уже сегодня... Да, тут нет места для успокоения. Тут надо брать за работу по-новому. И, пожалуй, самое основное — сразу, с первого дня изменить свое отношение к стройке и строителям.

— ...Вот тут ты, парторг, и должен крепко помочь, — закончила Зайчукова.

* * *

До весны двуреченцы строили собственными силами, и строили, как все считали, неплохо, но после многое переменилось. В области были созданы особые строительные организации, на двуреченскую усадьбу приехали строители-сталинградцы, подчиненные тресту «Есильстрой». А совхозный народ целиком переключился на пахоту и сев. И так получилось, что строительные дела руководство совхоза упустило из своих рук.

Вернувшись из Акмолинска, Зайчукова постаралась первым делом разобраться в положении дел на стройке. Положение-то было незавидное: рабочие часами простаивали из-за отсутствия песка или воды, а часто даже из-за того, что, выполнив задание, не могли найти десятника или прораба и не знали, чем заняться дальше. Сколько кто выработал, сколько заработал за день, никто не знал. Замеры производились только раз в месяц, и тогда плотники и каменщики, штукатуры и кровельщики, к удивлению своему, узнавали, что заработали они всего лишь двести или триста рублей.

Кормили в столовой тоже плохо. Строители рассказывали Евдокии Андреевне о прокисшем супе, которым

угощали их, о тухлых консервах, которые предложили вчера на ужин, и недвусмысленно намекали на то, что здесь, конечно, есть «сынки» и «пасынки», что лучшие продукты всегда отправляются «своим», в бригады, а не строителям.

Обойдя строительную площадку, Зайчукова в тот вечер побывала у строителей на квартирах и в числе других заглянула к семейству Тапузовых. Семейство это она называла своим «связующим» звеном. Тапузов отец работал в совхозе трактористом, а дочки его — штукатуры — трудились на стройке. Их Евдокия Андреевна застала дома. Младшая, семнадцатилетняя Алла, возилась с обедом, а старшая, Тамара, сидела на столе и пощипывала струны гитары. Завидев директора, она, не меняя позы, тоскливо протянула:

— Ох, и скука здесь, Евдокия Андреевна...

Зайчуковой нравилась эта девушка, сильная, трудолюбивая, неробкая, лучший штукатур и лучшая певунья «Двуречного». Можно ли обвинять Тамару, что ей скучно на стройке? Предложила вот Тамара создать комплексную строительную бригаду, как было это у них в Сталинграде, — отказали: говорят, материала не хватит. Предложила воду насосом брать: ведь Ишим под бочком, — тоже отказ. Насос, мол, плунжерный, предназначен только для раствора. Ну вот сегодня опять полдня простояли: воды не было. И вообще народ нехороший подобрались, бездельники есть, месяцами не работают, а над другими насмеваются. Карты у них вечно, водка. Секретарь строительной комсомольской организации с ними в одной комнате жил, не выдержал, сбежал.

— Завтра ваших бездельников в совхозе не будет, — пообещала Зайчукова, поговорив с Тамарой.

Разговор на ту же тему возник в совхозной конторе, где собиралось партийное бюро.

Сначала они сидели впятером, члены бюро: Якименко, Зайчукова, бригадиры тракторных отрядов Тимченко и Коновалов, рабочий совхоза Миногин.

Общую мысль высказал бригадир Коновалов.

— Признать мы должны, — сказал он, — есть у нас вина перед строителями. Как у нас получилось? О совхозных рабочих заботились, а строителей оставили в стороне. И по какой причине? Оттого, что по другой линии отчеты у них идут! А дело-то одно, общее, и партийная организация одна, общая.

О чем только не говорили в тот вечер потом, когда пришли на бюро руководители стройучастка, представители торгующих организаций, совхозные специалисты! Решили поставить стройку под постоянный партийный контроль и тут же выяснили, что многие причины недовольства рабочих можно устранить немедленно. Главный инженер совхоза Малов взялся сменить клапаны в злосчастном плунжерном насосе, чтобы он качал не только раствор, но и воду. Закрепили тут же за стройучастком определенные машины, определенных водителей и грузчиков, чтобы не было больше упреков на трудности с подвозом материала. Строго предупредили директора столовой. Обязали руководителей стройки немедленно навести порядок в выдаче нарядов, замере работы, начислении зарплат. А когда прораб Цибулька высказал опасения, что бездельники попрежнему будут разлагать коллектив, Зайчукова решительно повторила:

— Завтра их тут не будет.

Когда все неотложные хозяйственные вопросы были решены, парторг Якименко сказал:

— Еще одно дело обсудить надо. Смотр самодеятельности в нашем районе готовится. Я думаю, нам надо принять в нем участие. Подготовить хотя бы десять человек.

— Вот так предложил! — тотчас перебила его Зайчукова. — Нет, с таким коллективом я на смотр не поеду. Не десять человек мы, Якименко, подготовим, а может быть, сотню. Я берусь подготовить. Так и запишите. За смотр Зайчукова ответственная.

Она в ту минуту думала о Тамаре, о ее скуке и о том, каким новым, благодатным средством сплочения всего совхозного коллектива может стать этот смотр самодеятельности.

...С бюро разошлись поздно — оживленные, захваченные тем новым, что входило в жизнь совхоза.

Владимир КРИВЕНЧЕНКО

Казахская ССР.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

Здесь, на берегу Ишима, любят отдыхать механизаторы совхоза «Двуречный».

ПО ИНДОНЕЗИИ

Валентина СКОТТ

Фото автора.

МНЕ довелось отправиться в путешествие по Индонезии. Представление об этой стране было у меня самое общее.

Я знала, что в Индонезии больше восьмидесяти миллионов населения и что живут индонезийцы на многочисленных островах Индийского и Тихого океанов. Большинство населения живет на островах Ява и Суматра. Знала я еще, что индонезийцы долго были в иностранной зависимости и самоотверженной борьбой добились установления республиканского строя в стране.

Мы приехали на Яву, в столицу Индонезии Джакарту. Растительность Индонезии поразила нас своей роскошью. Всюду огромные цветы необычайной расцветки, тенистые пальмы, густые цветущие кусты.

В первый же день мы познакомились со слушательницей вечерней школы, которая собрала десятки тысяч подписей под Венским Обращением Всемирного Совета Мира, и с видной общественницей, известным врачом. Вместе с ними пошли осматривать город.

У входа в дом, сколоченного из бамбука и циновок, мы заметили объявление: «Здесь занимается кружок ликвидации неграмотности». Нас пригласили в дом. Около ста женщин, сидя на циновках, усердно выводили на маленьких грифельных дощечках: «Мы хотим работать, отдыхать, учиться».

Это уборщицы, грузчицы, продавщицы, строители — женщины разных профессий — пришли после работы на занятия.

Мы побывали на многолюдных собраниях, на которых члены женской организации «Гервани» рассказывали о национальной героине Каргинии, пятьдесят лет назад возглавившей борьбу за независимость Индонезии. На другом собрании мы слышали взволнованный рассказ о нашей Зое, о новом Китае. Все собрания охотно посещаются женщинами.

«Гервани» — самая массовая организация женщин в Индонезии. Она входит в Международную федерацию женщин и активно участвует в движении сторонников мира. Значок общества «Гервани»: белый цветок на голубом фоне. Все члены «Гервани» ведут большую общественную работу. Каждая грамотная женщина считает своим долгом передать свои знания другим. Всюду много плакатов, призывающих бороться с инфекциями. Женщин обучают уходу за грудными детьми.

Мы познакомились с заместителем председателя организации «Гервани» Уми Сарджона.

Родилась Уми в бедной деревенской семье и с детства натерпелась горя. В дни войны судьба забросила ее с отцом в Джакарту. Уми умела читать и писать, и ее устроили работать телеграфисткой. Здесь она многое узнала. Она поняла, что колонизаторы обрекают ее родину на нищету и голод. Уми вступила в ряды подпольной организации, борющейся за единство и независимость Индонезии.

В 1948 году ее арестовали, и лишь через четыре года Уми вновь увидела солнце своей родины.

Мы долго ходили с ней по улицам, напевая друг другу мотивы знакомых песен. По дороге встречалось много бездомных женщин и мужчин. Они спали под пальмами, под мостами, у входов в магазины, у оград посольств и мечетей.

— Как мы можем гордиться своими достижениями, когда еще так бедствует народ? Бороться и учиться, учиться и бороться — вот наша святая обязанность, милая подружка, — сказала на прощанье Уми, произнеся это обращение по-русски.

Нам удалось побывать на собрании «Гервани» в Сурабае, в жарком и тенистом портовом городе. Возглавляет там женскую организацию молодая женщина Сутамах.

Нас пригласили в комнату в каменном домике, который принадлежал голландцам, но был продан позднее местному купцу. Здесь помещался комитет «Гервани». Женщины приготовили сладкий рис, завернули его в банановые листочки, наподобие наших блинчиков, и подали огромное блюдо разнообразных фруктов.

В комнату вошло несколько женщин с длинными листками бумаги в руках. Они обходили дома и собирали подписи под Обращением Всемирного Совета Мира. Листки испещрены отпечатками трех пальцев: большинство женщин еще неграмотно.

Сложив сухонькие руки, нас приветствовала старушка. К волосам у нее был приколот цветок, на кофточке — значок «Гервани». Она объяснила, что сама она стара, чтобы принимать активное участие в движении, но пришла сюда вместо двух своих племянниц, которые сегодня заняты на работе.

Одна садовница рассказала нам, как мало платят ей голландские хозяева и как благодарна она «Гервани», которая научила ее грамоте и помогла устроить девочку в школу.

— Раз у нас гости из Москвы, — сказала она, — значит, они прослышали, что мы тоже можем быть неплохими хозяйками своей страны.

Сутамах — руководительница женской организации «Гервани» в Сурабае. В ее руках листы с отпечатками пальцев под Обращением Всемирного Совета Мира.

— Мы собрали десятки тысяч подписей,— сказала Сутамах.— Воспоминания войны еще свежи. Многие из нас потеряли дом, семью, детей.

Сутамах с грустью взглянула на пустырь за окнами: здесь была текстильная фабрика. Она сгорела во время сражения голландцев с японцами.

— В одну ночь пятнадцать тысяч женщин потеряли работу. Ткани теперь ввозятся в нашу страну, и за метр ткани надо отдать месячный заработок. Наша женская организация,— продолжала Сутамах,— все растет.

О своей судьбе Сутамах говорила скупно. Она была соседкой старого офени — мелкого торговца, разносящего свой товар, иногда подрабатывающего и в порту. Он принял участие в одной из забастовок и попал в тюрьму вместе с пятьюстами других рабочих. Было это больше двух лет назад. Видя страдания семьи своего соседа, Сутамах стала собирать деньги для семей рабочих, заключенных в тюрьмы, созвала собрание женщин, на котором призывала их выйти на демонстрацию и потребовать от местных властей освобождения мужей и отцов.

Женщины пошли за Сутамах и добились свободы бастующим.

Мы познакомились с работой женских организаций в деревнях, где «Гервани» насчитывает несколько сот тысяч членов. Имя Сити-Аминах, крестьянки из бедной деревушки на Суматре, известно всей Индонезии.

Сити-Аминах видела, что сборщицы чая, вручную собирающие до ста килограммов, получали за это горсть риса. Она видела, как увозят в заморские страны собранный с полей ее родины рис. В годы войны ее земляки с большим трудом отвоевали для себя крошечные куски земли, меньше четверти акра. После войны помещики потребовали возвращения этих участков земли. Крестьяне поднялись на защиту своей собственности. Тогда местные власти выслали в деревню тракторы перепахать землю крестьян. Сити-Аминах с группой крестьянок легла поперек дороги и остановила трактор.

С тех пор крестьяне стали смелее отстаивать свои права.

В деревне Тезетман мы присутствовали на собрании, где обсуждался конфликт с местным помещиком, который требовал возвращения ему земли.

Когда на поля пускают воду, крестьяне устраивают праздничную процессию — славят воду и солнце.

На собрании выступали женщины. Одна из них сказала:

— Я сплю на полу — даже без циновки. У меня нет куска ситца, чтобы прикрыть ребенка; мальчик не может пойти в школу. Я хочу земли так, как ты хочешь есть,— кивнула она в сторону помещика.— Никто не может жить без пищи.

Послушайте меня,— продолжала она,— мы получаем 8 рупий за ведро кофейных зерен, которыми мы сами никогда не можем пользоваться. Хозяева забирают их у нас за то, что дают нам воду для питья. У меня шестеро детей, а метр ткани стоит 30—40 рупий. Как же я могу жить?

Накануне отъезда из Индонезии мы встретились с группой девушек, которые готовили собрание организации «Гервани». Они писали лозунги, плели гирлянды цветов.

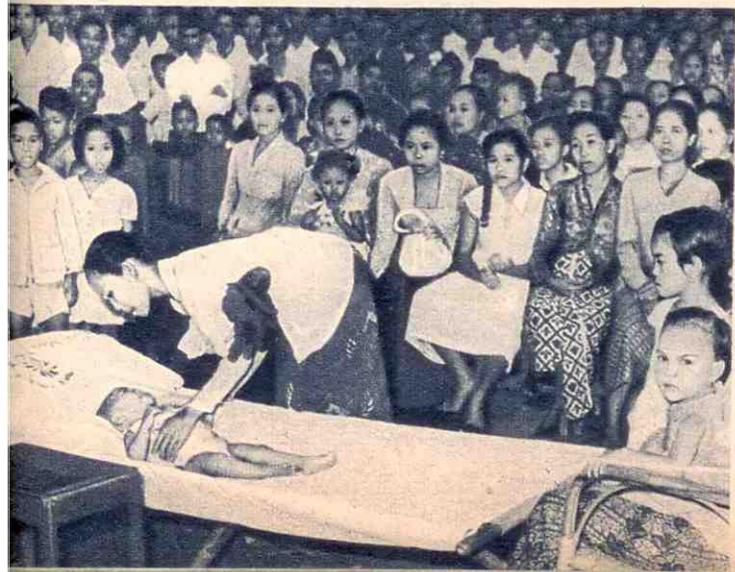
— Нам надо решить,— сказали они,— важные вопросы. Надо добиться от местных властей, чтобы они подали в бараки переселенцев чистую воду; помочь докерам, которые требуют организации столовой в порту.

В день отъезда на аэродроме ко мне подошел молодой человек. Он вынул из папки яркую открытку, на которой были изображены женщины, дети, голуби, цветы и фрукты, а внизу стоял такой близкий всем нам знак — серп и молот. Улыбнувшись, он сказал:

— Мы продали миллионы таких открыток. Возьмите эту на память.

Как правильно пеленать ребенка,— этому тоже учат на занятиях женской организации «Гервани».

Крестьянка Сити-Аминах с острова Суматра выступает на собрании женской организации.

ГЕНКА

М. МАТЮШИН

Рисунки П. Караченцова.

ВОВКА чуть приоткрыл правый глаз, покосился на кровать сестренки, потянулся — сундук под ним заскрипел всеми суставами, будто жалуюсь на то, что его используют не по назначению. Вовка протер кулаком глаза, осмотрелся. Сквозь занавески только-только начинал несмело проникать подслеповатый свет раннего утра, и в комнате стоял полумрак. За окном, постукивая по стеклу оголенными ветками, покачивалась акация. Вовка поежился: «Ветер». Он потянул было на себя одеяло, но взглянул на полузакрытую дверь и немедленно сел, свесив ноги. Сундук скрипнул. От двери, пересекая пол по диагонали, тянулась узкая желтая полоса: на кухне горела электрическая лампочка. Это означало, что мама уже ушла на работу, а Генка готовит завтрак. «Интересно, что он там варит? — подумал Вовка и пошевелил ноздрями. — Ничем не пахнет, наверно, опять пшеничную кашу...» Он соскочил с сундука и начал торопливо одеваться: старший брат не любил долго ждать.

— Ольга, вставай! — тихонько позвал Вовка, натягивая чулок, который сегодня был почему-то узким и длинным. «Генка, наверно, постирал», — догадался Вовка. Чулок никак не хотел налезать на ногу, Вовка потянул сильнее, послышался подозрительный треск. «Еще лопнет!» — Вовка осмотрел чулок и снова позвал сестренку:

— Ольга, в садик опоздаешь!

Ольга что-то невнятно хмыкнула, но даже не пошевелилась. «Что это, на самом деле, возись тут с ней! — рассердился Вовка. — А потом оправдывайся как знаешь. Генка, он не будет разбираться, скажет: «Ты ж мужчина, во втором классе учишься, а за одной девчонкой уследить не можешь!» И Вовка, так и не надев второго чулка, подскочил к кровати. Однако, склонившись над спящей сестренкой, не сдернул с нее одеяла, как намеревался сделать, а лишь пробормотал грубовато-ласково:

— Вот спит, разгильдяйка!

Девочка пришептывала, улыбалась, должно быть, видела во сне что-то приятное. Ее густые, как у матери, русые волосы разметались по подушке. Вовка осторожно поправил их, погладил, потом пощекотал сестренку за ухом. Она сморщилась, будто собираясь чихнуть, и повернулась на бок. Вовка пожал плечами: дескать, что с нею сделаешь, ребенок. Помедлил, потом, склонившись к самому уху девочки, прошептал:

— Ну, хочешь, кто скорей?

Оля моментально открыла глаза и тут же, оценив обстановку, недовольно протянула:

— Ага, ты уже штаны надел и чулок, а мне еще ночнушку снимать...

— Подумаешь, чулок, — выпятил губу Вовка, — зато знаешь, как их трудно натягивать!

И он тут же, усевшись на пол, принялся надевать чулок, нарочно пыхтя и отдуваясь. У Ольги хитровато блеснули глаза. Она быстро отбросила одеяло, надела платье, которое висело на спинке кровати, схватила чулки:

— На ровнях, на ровнях! Я тоже чулки надеваю, ага, кто вперед!

— Ага, — жалобно, явно передразнивая сестренку, протянул Вовка, — мне еще ботинки, а они на кухне...

И он, так и не надев как следует чулок, запрыгал к двери. Вслед ему покатились звонкий смех сестренки.

Старший брат, нацепив мамин фартук, как всегда немного сутулясь, стоял возле электрической плитки, на которой дребезжала крышкой алюминиевая кастрюля. В руках он держал большую деревянную ложку, время от времени помешивая в кастрюле.

Вовка, стараясь не привлекать внимания брата, шмыгнул под вешалку. Надо было обуться незаметно, иначе Генка наверняка увидит, что у правого ботинка отстала подошва.

— Ты чего там прячешься? — повернулся Генка. Вовка так и присел: «Заметил!»

— Ничего, так...

— Так, — передразнил брата Генка и положил ложку на крышку кастрюли. — Ну-ка покажи.

Вовка огорченно вздохнул и вылез из-под вешалки, свалив при этом пальто. Генка взял у него злополучный ботинок, перегнул — ботинок ощерился.

— Почему вчера не сказал, горят они у тебя, что ли?

— Горят, — уныло согласился Вовка и вздохнул.

— Эх ты, гусь лапчатый! Бережь обувь надо, — назидательно сказал Генка. — Надень пока мамины тапочки, покарауль кашу.

Вовка сунул ноги в тапочки, прощелкал к плитке и взял ложку. Генка между тем слезил под кровать, вытащил лапу и фанерный ящик, в котором хранилось все необходимое: молоток, сапожные гвозди, шпильки, обрезки кожи и резины. Через минуту он уже сидел посредине кухни на перевернутом табурете и, набрав полный рот мелких гвоздей, прибивал подошву. Делал он это умело и с удовольствием: воткнет гвоздик,

прицелится, взмахнет молотком и вгонит гвоздик по самую шляпку, прицелится, стукнет — и рядом с первой уже поблескивает вторая шляпка. И так это у него ловко получается, будто он только и делает, что ставит молотком на подошве блестящие точки.

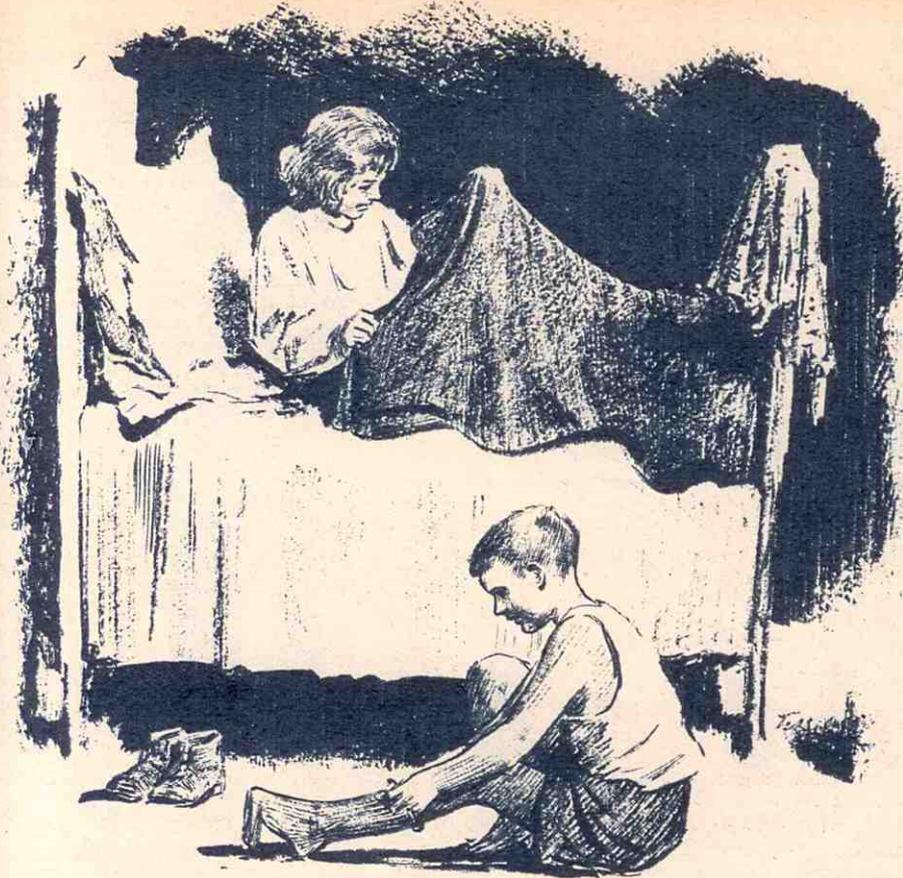
Но это только кажется; на самом деле не так уж и легко вбивать гвозди в резину: ударишь неверно — и согнется гвоздь, чуть не рассчитаешь — и уйдет гвоздь в сторону. Генка работает сосредоточенно, напряженно, но со стороны этого не видно. Не видно, да и не любит Генка, как и мать, выставлять напоказ свои слабости. Может быть, поэтому даже соседи, и те не догадываются о том, как трудно подчас приходится Соловьевым, сколько ухищрений, изобретательности приходилось им проявлять, чтобы растянуть скромную получку уборщицы и кое-как сводить концы с концами.

Надежда Петровна, оставшись с малолетними на руках, никому не жаловалась на свои невзгоды. Бросивший ее муж все время менял работу, и исполнительный лист никак не мог угнаться за ним.

Прошло три тяжелых послевоенных года. Подросли дети — стало легче. Старший сын, теперь уже семиклассник, как-то незаметно для Надежды Петровны стал главой семьи. Не по годам серьезный, он старался помогать матери во всем. Не отставал Генка и в учебе: круглым отличником не был, но и троек «не хватало». Только одно огорчало Надежду Петровну: слишком уж близко к сердцу принимал Генка домашние невзгоды, не было у него той беззаботности, какой отличаются обычно ребята его возраста. Однажды, когда с деньгами было особенно трудно, Генка, вернувшись домой, вручил матери тридцать рублей. Если бы вдруг обвалилась крыша, и то бы Надежда Петровна не была так потрясена. «Откуда?» — мелькнуло у нее в голове, и сердце матери, казалось, остановилось на мгновение от страшной догадки. Но сын смотрел на нее ясными, открытыми глазами, и такое торжество, такая радость светились в них, что у матери даже не повернулся язык спросить, где он взял деньги. Он сказал сам. Оказывается, возвращаясь из школы, Генка завернул на вокзал, сел в дачный поезд и уехал в город. Он знал, что дома — ни копейки, и решил во что бы то ни стало заработать. И заработал. На подноске в мебельном магазине. Вспыхнули румянцем щеки Надежды Петровны: «Что скажут люди?» А сама не проронила ни слова, лишь растрепала волосы сыну и вдруг заторопилась на улицу: «Ах, батюшки, белее-то!»

— Да я снял его, мама! — радостно крикнул Вовка, но мать только махнула рукой и скрылась за дверью. Генка укоризненно посмотрел на брата. Он видел, что совсем не белее заставило мать так поспешно покинуть комнату.

Надежда Петровна почувствовала вдруг, что старший сын как-то повзрослел. Было приятно сознавать это, радостно и отчего-то немножко

грустно. «Помощник ты мой, помощник!» — шептала Надежда Петровна, смахивая непрошенную слезу. ...Из комнаты выбежала Ольга. Увидев, что Вовка все еще не обулся, она запрыгала на одной ножке:

— Я вперед, я вперед!

— Вперед, подумаешь, — промычал Вовка: он только что обжег палец и теперь держал его во рту, — зато вон у меня подошва какая будет!

Ольга озадаченно посмотрела на старшего брата, который продолжал вколачивать гвозди в вовкин ботинок. Потом подошла поближе и, покосившись на Вовку, сказала доверительно:

— Гена, а я знаю, почему у него так быстро ботинки рвутся.

Вовка свирепо сморщил нос, Генка взглянул на сестренку.

— Потому что он банки...

— А ты видела? — шагнул к ней Вовка и сжал кулаки.

— Ну, ну, — остановил его Генка, — легче. Ясно, пинаешь.

Ольга победно трянула бантом.

— А еще Вовка...

— Не ябедничай, иди-ка умойся лучше, — перебил ее Генка и протянул починенный ботинок брату. — Обувайся, футболист!

Через несколько минут Ольга как ни в чем не бывало подавала на стол ложки, Вовка нарезал хлеб, а Генка накладывал в тарелки дымящуюся кашу. Правда, при виде каши Ольга поморщилась, но Вовка так выразительно показал пальцем в потолок, что она последила за ней. Вовкин жест всегда означал одно и то же: «А луну не хочешь?» Это он у Генки научился, когда еще маленький был. Старший брат не раз угощал его лунной. Бывало, начнет Вовка капризничать, просить что-нибудь, а Генка слушает-слу-

шает, а потом возьмет и скажет: «А луну ты, случайно, не хочешь?» И Вовка всегда переставал хныкать, так как хорошо усвоил, что луну ему, конечно, не дадут.

С кашей управились быстро. Вовка оделся, помог сестре перешнуровать ботинки. Генка поправил ей бант, проверил, хорошо ли она умылась, и только после этого разрешил ребятам идти, предупредив, чтобы они не задерживались по дороге. Впрочем, необходимости в этом не было: Вовка очень серьезно относился к поручениям старшего брата, и еще не случалось, чтобы Ольга опоздала в детский сад, а сам он в школу.

Когда они ушли, Генка убрал со стола, завернул кастрюлю с оставшейся кашей в телогрейку, чтобы не остыла. Сверху положил записку: «Мама, каша здесь». Еще раз критически оглядел комнату, поправил скатерть на столе, засунул под кровать ящик с сапожными принадлежностями и торопливо начал одеваться.

Вчера Генка узнал, что в городской мебельный магазин «забросили» партию кроватей с панцирной сеткой. Он уже отлично изучил запросы покупателей и поэтому, решив не упускать счастливого случая, поехал в город.

Ожидания не обманули его: возле мебельного магазина уже толпилась порядочная очередь из желающих приобрести кровати с панцирной сеткой. Какой-то старичок под одобрительный гомон женщин рассказывал о том, что кровати были необыкновенные, совершенно новой конструкции, облегченного типа, и что об этом он узнал одним из первых. «Очень хорошо, — удовлетворенно подумал Генка, — облегченные и

носить легче будет». Еще до открытия магазина он подрядился в помощники к разговорчивому старичку и, едва тот выбил в кассе чек, взвалил себе на плечи сетку.

Верно, как повезет человеку, так этому везенью конца не будет. Так, по крайней мере, думал Генка, курсируя по улицам с кроватными сетками на плечах: покупатели подбирались просто один к одному, добродушные, веселые, жили близко от магазина и при расчете не скупилась. Генка все время улыбался от удовольствия, так что одна девочка — дочка покупательницы — даже спросила у него, чему он радуется. «Жить весело!» — засмеялся Генка и заговорщицки подмигнул ей.

Сделав несколько рейсов до квартиры покупателей и обратно к мебельному, Генка основательно устал, поэтому, когда одна из очередных покупательниц попросила донести кровать, хотел было отказаться, но, тут же решив, что лишние деньги никогда не помешают, согласился, тем более, что ботинки у младшего брата, Вовки, давно уже «просили каши» и Генке надоело их чинить. «Куплю футболисту ботинки, вот обрадуется!» От этой мысли у Генки даже усталость как будто прошла, и он, взвалив сетку, зашагал вслед за женщиной.

Шли молча: женщина оказалась неразговорчивой, к тому же она несла спинки кровати, которые, хотя и были «облегченного типа», должно быть, порядочно оттягивали ей руки. Не легче было и Генке; пока добрались до домика, аккуратно обнесенного зеленой оградкой, спина у него стала мокрой.

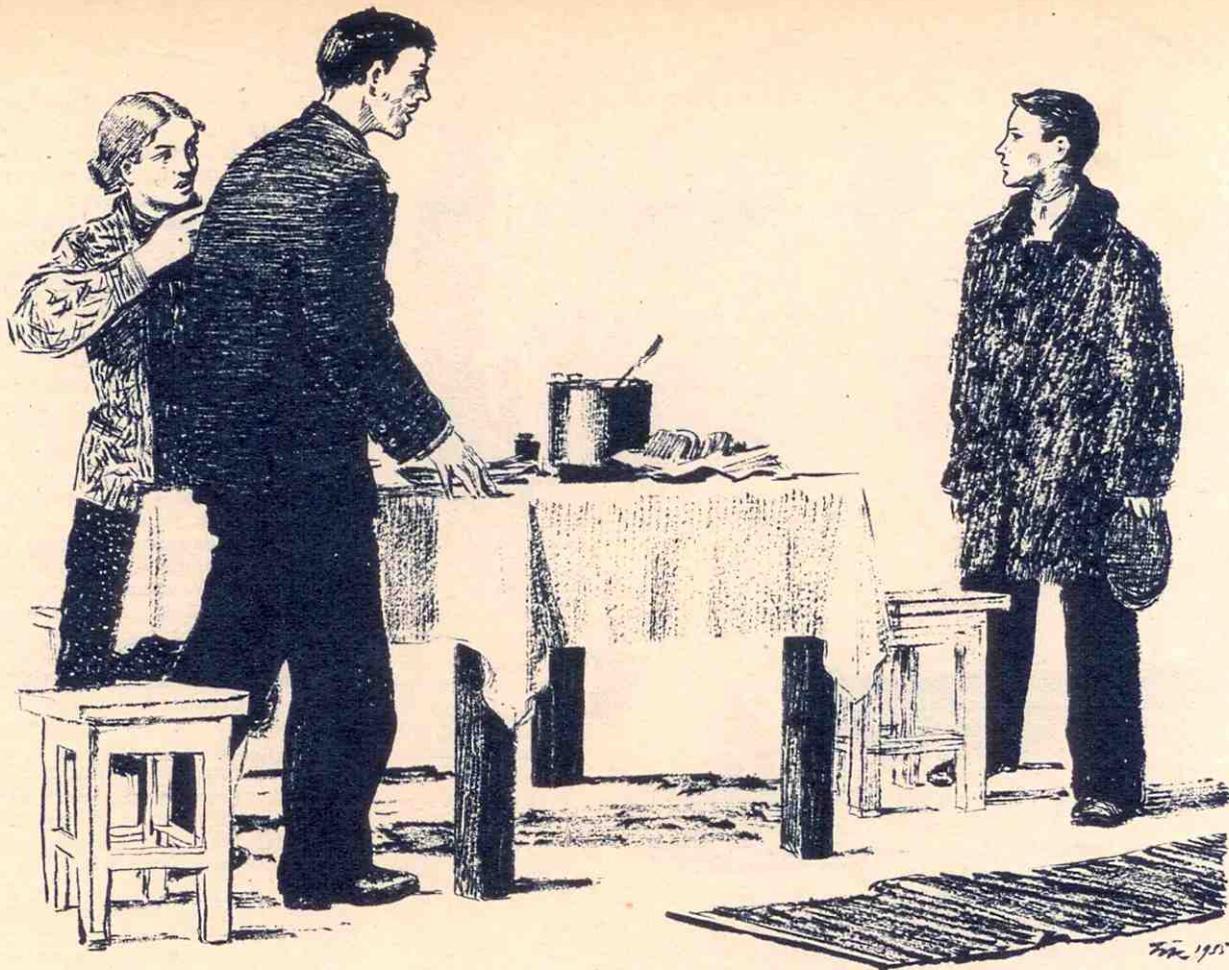
Дверь им открыл мужчина с черными усиками. Он был сутул и очень высок; открывая дверь, пригнул голову, чтобы не задеть за косяк.

— Кровать купила? Молодчина, а я перекусить заскочил, — мужчина с усиками, должно быть, муж покупательницы, взял спинки кровати и унес их в дом. Сетку Генке помогла втащить спутница.

— Сядь, отдохни, — сказала она Генке, как только сетка была установлена у стены, рядом со спинками, — устал, небось?

— Устал немножко, — согласился Генка и неожиданно для себя сел на табурет у двери. Раньше он никогда этого не делал: стеснялся, — брал заработанные деньги и уходил. Сейчас, сильно устав, он даже обрадовался возможности отдохнуть и несколько не рассердился на женщину, которая, очевидно, не спешила расплачиваться, собирала мужа на стол. К тому же и в школу он не торопился: знал, что двух первых уроков сегодня не будет.

Комната, в которой сидел Генка, была небольшая, но уютная: на окнах стояли цветы в обернутых белой бумагой и перевязанных голубыми ленточками горшочках, в углу выставлялся сильно разросшийся с широкими глянцевыми листьями фикус, над столом висел причудливо разрисованный шелковый абажур, на стенах — картины. Особенно понравилась Генке одна из них, та, что ви-

села поближе: три богатыря в дозоре. «Вот бы мне такую силу, как у Ильи Муромца, — усмехнулся Генка, — я бы тогда кровати пачками таскал!»

Хозяин между тем сел за стол и, не обращая внимания на постороннего, начал торопливо есть. «На работу, наверное, боится опоздать, — заключил Генка, — а ест как-то почудному, как заяц — за обе щеки сразу. Где это я его видел?»

Чем больше присматривался Генка к хозяину дома, тем больше убеждался в том, что где-то с ним встречался раньше. «И волосы как-то интересно растут, со лба прямо. Может, он к нам когда приходил?» Генка даже приподнялся, стараясь лучше рассмотреть человека с усиками.

— Есть ты хочешь? — неожиданно уставился хозяин на Генку. «Отец!» — пронеслось в голове у Генки, и он, пораженный внезапной догадкой, ничего не ответил, продолжая неотрывно смотреть на хозяина дома. Словно вдруг сдернули пелену с генкиных глаз, в какую-то долю секунды промелькнули перед ним картины, казалось, давно забытые, стертые временем...

— Чего смотришь?

— А ваша фамилия, случайно, не Соловьев будет? — чуть дрогнувшим голосом спросил Генка и встал, наклонившись вперед, будто для того, чтобы лучше рассмотреть хозяина.

— Допустим, Соловьев. — Ложка с супом остановилась на полпути к усатому рту.

— Ну вот, значит, узнал, — хрипло сказал Генка. Ложка с супом вернулась в тарелку, хозяин быстро поднялся, шагнул к мгновенно поблед-

невшему Генке. Из-за ширмы выглянула хозяйка, высоко подняла брови: два сутулых человека — один маленький, другой большой — в мельчайших деталях повторяли друг друга. Только у мальчика недоставало усиков, и куртка ему была велика, свисала чуть не до колен.

Первым пришел в себя Генка. Не спуская глаз с отца, он отступил к двери и надел кепку.

— Постой, Гена, куда же ты?

Соловьев-старший вдруг засуетился, сунул руку в карман, потом за пазуху, рассыпал на пол деньги, нагнулся за ними.

— Ага, и вы узнали, — нервно засмеялся Генка, стягивая кепку, помял ее, надел опять, потом снял снова.

— На вот... возьми, потом я еще вам... как-нибудь подкину...

Отец протянул измятый ворох денег, но Генка даже не пошевелился, будто не понимал, чего от него хочет этот человек с кокетливыми усиками. Потом машинально взял деньги, сунул их в карман и, не сказав ни слова, вышел на улицу.

Он брел, опустив голову, натакиваясь на прохожих, не замечая того, что так и не надел кепку, нес ее в руке. В воздухе кружились редкие снежинки, оседая на тротуар, мостовую, крыши зданий. Падали они и на непокрытую голову Генки и таяли на белобрсых волосах, превращаясь в слезинки...

Возле здания аптеки толпились люди. «Остановка, — подумал Генка, — доеду до булочной, возьму хлеба — и домой». Он пристроился к очереди, надел кепку. Вскоре, погромыхивая на стыхах рельсов, подошел трамвай.

Генка вместе со всеми протиснулся в вагон. Уже у самой передней площадки полез в карман, надеясь найти там мелочь на билет, наткнулся на хрустящие бумажки, будто ожегшись, выдернул руку. Живо представилась обстановка, в которой несколько минут назад получил он эти деньги: растерянное лицо отца с его усиками, удивленно вскинутые брови хозяйки, выглянувшей из-за ширмы. «Подачка, как нищему!» — ужалила Генку внезапная мысль, и он, еще не сообразив толком, зачем это делает, лихорадочно начал протискиваться к выходу.

Он влетел за зеленую оградку, точно за ним гнались, вбежал на невысокое крыльцо и, не постучав, рванул дверь на себя.

Отец и его новая жена, сидевшие за столом, при появлении Генки как по команде встали. Шумно дыша, Генка шагнул на середину комнаты, широко расставив ноги, нагну голову, будто собираясь боднуть кого-нибудь.

— Сколько вы мне должны?

Новая жена отца растерянно поднесла руку к подбородку.

— Ты же сам говорил, что сюда за пять рублей носишь, — словно извиняясь, пролепетала она, метнув взгляд в сторону мужа.

— Правильно, пять, а поэтому держите сдачу. — Генка вывернул карман, взял из выпавшего на ладонь комка пятерку и, положив его на табуретку, спрятал пятерку за пазуху. — Можете подсчитать. Подачек не берем!

И он, гордо приподняв подбородок, направился к двери.

Хорошую кукурузу вырастили в молодежном звене Евдокии Баранник. Колхоз имени Чапаева, Краснодарский край.

Цветное фото А. Шишкина.

«БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ» [1873 год].
Государственный Русский музей.

И. Е. РЕПИН.

ПОДРУГИ.

Закарпатская область. УССР.

Фотоэтиюд Н. Хорунжего.

ШЕСТЬ ДНЕЙ НА ВЫСТАВКЕ

Е. ВИШНЯКОВА

РАНО утром Александра Васильевна Рябина собрала необходимые вещи, простилась с домашними и вышла на улицу. Уезжала она в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

По пути она зашла в правление колхоза. Председатель Василий Иванович Сиротин наказал ей:

— Ты, Александра Васильевна, не очень на свою память надейся, что увидишь и услышишь, в тетрадочку записывай. Может, что и в нашем хозяйстве пригодится.

Колхоз «Коминтерн» находится в шести километрах от районного центра Игодово, Костромской области, и в восьмидесяти — от станции железной дороги.

Здесь и живет со своей семьей Александра Васильевна. Десять лет она работала бригадиром полеводческой бригады и пять лет председателем колхоза имени Калинина, но когда колхозы объединились, она сама вызвалась работать дояркой. Любила она это дело.

Муж Александры Васильевны погиб на фронте. Без него воспитала четырех детей. Всем дала образование.

Старший сын, Валентин, по специальности шофер, служит в армии. В армии и второй сын, Николай, а до призыва был в колхозе трактористом. Младший, Юрий, тоже работает на тракторе. А дочь Людмила — бригадир и кладовщик.

* * *

Щедрое солнце заливает сады и павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Среди экскурсантов Игодовского района идет и Александра Васильевна. Все для нее здесь ново и интересно.

Вот павильон «Земледелие». Александра Васильевна засмотрелась на карту Советского Союза, где показаны районы освоения целинных земель. И невольно подумала о своем колхозе, так как там тоже есть пустующие участки. Если к ним приложить руки, можно получить недостающие корма для скота. Тогда бы намного повысилась удой молока.

Александра Васильевна пыталась все записать. Но группа так быстро переходила от одного стенда к другому, что она не успевала это сделать. Иногда ставила одну букву в надежде, что дома обо всем вспомнит, во всем разберется и с точностью передаст колхозникам свои впечатления.

Отстав от экскурсии, Александра Васильевна с интересом рассматривала стенд «Микроорганизмы и плодородие почвы».

Поздно в этот день возвратились экскурсанты в гостиницу. Долго делились впечатлениями и даже спорили. А из головы Александры Васильевны почему-то не выходила мысль об удобрениях почв. Как это странно, что раньше она так мало обращала на это внимания! А ведь в колхозе от недосмотра часто пропадает ценное удобрение.

* * *

На другой день небо покрылось темными облаками, дул холодный ветер, шел дождь. Москвичи не помнят такой неприветливой погоды в самый разгар лета. Толпы экскурсантов и зрителей укрылись в павильонах. Но Александра Васильевна, не обращая внимания на дождь, отправилась осматривать типовые постройки для крупного рогатого скота. Ей очень понравились светлые, просторные помещения, и она подумала о своей колхозной ферме. Дворы плохие, тесные, темные. А ведь можно построить пока хотя бы один благоустроенный двор. Долго осматривала Александра Васильевна четырехрядный коровник, подвесную дорогу, доставляющую корм скоту, автопоилки.

— Вот если бы нам все это устройство, — со вздохом сказала она доярке из соседнего колхоза «Память Ильича» Пелагее Антоновне Гладышевой. — Скотина была бы лучше ухожена, да и нам легче. А то воду на большие расстояния ведрами носим.

— Кстати сказать, и наш-то колхоз от вашего недалеко ушел: дворы плохие, земляной пол. Подожди, — оживилась Гладышева, — я теперь приеду, своему председателю покоя не дам... Давай-ка, скажу, на новый лад переоборудоваться. Все у нас для этого есть, только свое старание приложить, а народ на всякое улучшение согласен.

— Что верно, то верно, — вмешались в разговор другие. — В своем хозяйстве упущений не замечаем. Будто так и надо.

Экскурсантов Игодовского района особенно заинтересовала костромская порода коров совхоза «Караваево». Средний годовой удой коров достиг 6 тысяч килограммов молока.

Не без зависти сравнивала эти цифры Александра Васильевна с низкими удоями в своем колхозе.

— Как небо от земли... — огорченно обратилась она к доярке Гладышевой.

— Одна у нас беда! Нет сочных кормов. Сено да солома — и то не вдоволь. В этом году посеяли кукурузу. Это нас поддержит.

— И мы сорок гектаров засеяли. Будет у нас фуражное зерно, зеленый корм и силос.

В этот же день она записала в свою памятку, какие сорта кукурузы можно развести у себя.

В павильоне «Животноводство» внимание экскурсантов привлекла Гомиллинская птицефабрика Московской области. Самым интересным Александре Васильевне показалось то, что куры содержатся в клетках и что для них заготавливаются зеленые, сочные, витаминные корма.

Поздним вечером в гостинице она неторопливо записала свое впечатление о птицефабрике и свои замечания, что можно предпринять в их колхозе по разведению птиц.

Перед самым отъездом экскурсия осмотрела постройки колхозного села. Побывали в правлении колхоза, детских яслях, в магазинах потребительской кооперации.

Всеобщее внимание привлекли колхозный Дом культуры, клуб, библиотека-читальня и Дом сельскохозяйственной культуры. О существовании такого учреждения Александра Васильевна не имела до этого никакого представления. Здесь были выставлены образцы семян культурных растений и сорняков, коллекция образцов минеральных удобрений.

В клубе ей очень понравилась обстановка. «Вот так надо жить!» — с восхищением думала Александра Васильевна. А в их колхозе помещение под клуб пустует. Там неуютно и грязно. Колхозникам негде провести свой досуг. Ведь можно было бы организовать кружки самодеятельности: в селе много талантливых девушек и парней. Да и пожилые колхозники не отказались бы принять участие в них.

Наступил и день отъезда. Собирая свои пожитки в гостинице, она особенно бережно укладывала фотоснимки: хотелось довести их до места в полной сохранности. Она снималась с экскурсантами, приехавшими из других областей. Сколько за эти дни вместе искожено дорожек и проведено душевных бесед о том, как применить в своем хозяйстве то, что они увидели на выставке!

Наконец все увязано, прибрано, отмечены путевки. Все шумно направилось к выходу.

Директор гостиницы, пожимая руку Александре Васильевне, сказал:

— Может, и еще придется побывать у нас.

Она на секунду остановилась, задумалась и ответила:

— Хорошо бы побывать, но уже не экскурсантом, а участником...

ДОМ СПОКОЙНОЙ СТАРОСТИ

ПО ПРИВЫЧКЕ Неэм просыпается рано. Иногда она вскакивает с постели, как в молодые годы,— в страхе, что проспала и что ей опять попадет от хозяина. Сорок пять лет эстонская крестьянка Мария Неэм батрачила на кулацких хуторах и барских мызах, сорок пять лет просыпалась с мыслью: только бы не навлечь хозяйский гнев, только бы не остаться без работы, без куска хлеба. До сих пор мерещится прежнее. Но кошмар быстро рассеивается, Неэм оглядывается, видит свою чистенькую, уютную комнату, свою мирно почивающую соседку Эллию Сандер и облегченно вздыхает. Нет, нет, спешить никуда не надо, можно поспать еще, пока повар Дома для престарелых Лейда Пинсоль не позовет завтракать.

Этот первый в Эстонии Дом для престарелых колхозников открылся осенью прошлого года.

Под тенистым деревом собрались жильцы Дома для престарелых.

Фото С. Розенфельда.

В районном городке Сууре-Яни собрались председатели колхозных касс взаимопомощи. Зашла речь о тех, кто свое уже отработал полностью и кому пора бы на покой. О семейных, ясное дело, есть кому позаботиться. Но война с фашистами осиротила иных стариков и старух. О таких должен позаботиться колхоз.

Эта мысль пришла по душе всем. Решили, что в каждом колхозе открывать такой дом нет нужды: бессемейных стариков не так уж много,— а лучше устроить один дом для всех колхозов района. Обсудили, сколько нужно средств для оборудования дома, сколько стоит суточное содержание одного жильца, и договорились, что каждая колхозная касса взаимопомощи будет вносить плату по числу престарелых членов своего колхоза, которые захотят поселиться в доме.

Под дом отвели бывший кулацкий хутор с пристройками, баней, садом, огородом.

Жильцам Дома престарелых положено отдыхать — и только. Но привычки трудовых людей дают себя знать: каждый находит хоть небольшое дело. Кто возится на огородных грядках, кто помогает кухарке, кто задает корм свиньям — для дома приобрели двух свиней, а вскоре рассчитывают купить и корову, чтобы было свое молоко.

И все же свободного времени много. Читают газеты, книги, а чаще собираются вместе и рассказывают. У каждого есть о чем порассказать. Особенно любят слушать обитатели дома рассказы Иосепа Губина. В молодые годы Иосеп побывал и в Петербурге, и на Урале, и в Сибири. И в царское время и при буржуазном режиме в Эстонии Иосеп Губин участвовал в революционном движении, был знаком с вождем эстонских коммунистов Виктором Кингисеппом, трижды подвергался арестам и ссылкам. Когда в Эстонии была провозглашена Советская власть, а потом крестьяне стали объединяться в колхозы, Губин вернулся из города в деревню, был одним из организаторов колхоза «Сядэ». Но вот «неугомонному Иосепу» пошел уже семьдесят пятый год, и он решил уйти на покой.

В Дом престарелых приходят провести старых знакомых земляки, заглядывают члены правлений колхозных касс взаимопомощи.

— У вас здесь хорошо,— говорит Марии приехавшая из Латвии сестра.— Я так рада, что ты на старости лет будешь спокойно отдыхать. Хорошее дело сделали ваши колхозы, что так позаботились о стариках.

Почин Сууре-Яниского района подхвачен другими. В колхозе «Большевик», что расположен на острове Саарема, тоже открылся Дом для престарелых.

Дома для престарелых колхозников намечено открыть этой осенью в Харьюском, Пярнуском и Эльваском районах. Райисполкомы выделили для них отличные помещения.

Все Дома для престарелых создаются на средства касс взаимопомощи колхозов. В этой работе колхозным кассам оказывает помощь Министерство социального обеспечения Эстонской ССР.

И. АГРАНОВСКИЙ

Победа Сун Гуй-мэй

Рассказ

СИ ЖУН

Рисунки П. Пинкисевича.

МНЕ нужно было по делам попасть в производственный кооператив деревни Сун Цзя-пин. Я уже приготовился к длительному путешествию пешком, как мне сказали, что накануне в город приехала подвода из этого кооператива и что сегодня же она должна вернуться в деревню. Я решил воспользоваться случаем и попросил возчика, пожилого человека лет пятидесяти, подвезти меня.

Он уселся на передке подводы, я — сзади, и мы поехали...

— И охота тебе тащиться в такую даль? — заговорил возчик. Он, видно, догадывался, зачем я еду в деревню: похоже, что не один журналист уже побывал у них.

А когда мы выехали за ворота города и поехали по хорошей дороге, возница повернулся лицом ко мне и, не переставая улыбаться, заговорщицки зашептал:

— А не знаешь ли, товарищ, зачем собрали здесь кооператоров? От нашего кооператива тоже приехал один человек — девушка.

Я поинтересовался:

— А кто же будет эта девушка?

— Как кто? — Старик удивленно посмотрел на меня. — Росточка она небольшого, но у нее большое сердце. Она мало говорит, но много делает;

даже здоровые парни не угонятся за ней. А зовут ее Сун Гуй-мэй.

Слова старика заинтересовали меня, и я попросил его рассказать о Сун Гуй-мэй.

— Слушай, пока не надоест, — охотно согласился возчик. — А дело это было так. Осенью прошлого года от нашего кооператива нужно было послать одного человека на учебу — учиться растить хлопок. Некоторые советовали послать опытного, пожилого человека. Но старики наотрез отказались. «Нам это не под силу», — говорили они. Это, конечно, был веский довод, но главное тут в другом: они боялись осрамиться в случае неудачи.

В деревне были и грамотные. К примеру, счетовод. Но он знал всего несколько иероглифов, да и люди недолюбливали его: болтун он. Гадали, гадали, да так ничего и не решились.

Наконец партийная ячейка предложила послать на курсы Сун Гуй-мэй, комсомольского секретаря. Она знает грамоту и молода.

Весной Сун Гуй-мэй вернулась с курсов. Народ приветливо встретил ее. В тот же день собрались в правлении кооператива.

У нее был большой пакет, перевязанный бечевкой. Всех заинтересовало, что же в нем такое.

Когда она развернула его, все увидели яркие, красочные рисунки.

Сун Гуй-мэй засыпала вопросами.

— Вы спрашиваете, что это нарисовано? Это трактор. — И Сун Гуй-мэй толково рассказала о работе трактора.

Есть у нас в кооперативе один человек, Сун Ю-цай. И он, как все, сначала молча внимательно слушал, а потом как стал донимать Гуй-мэй вопросами!

— А когда у нас будут такие машины? — спросил он с подковыркой.

— Немного придется подождать, — спокойно ответила Сун Гуй-мэй.

— Ждите, ждите! Вот когда моя борода станет совсем белой, тогда дождетесь!

Сун Гуй-мэй, смеясь, возразила:

— Зачем так далеко загадывать, дедушка Ю-цай. Все это произойдет значительно раньше. Твоя борода не успеет побелеть. Тебе еще до того жена ее выдерет!

Все засмеялись.

Уж такой удивительный этот старик Сун Ю-цай! Если в кооперативе брались за какое-нибудь новое дело и оно не сразу получалось, то он тут как тут:

— Я же говорил вам, что из этого ничего не получится. Не послушали? А теперь вот пеняйте на себя!

Председатель кооператива попросил Сун Гуй-мэй рассказать о посевах хлопка. Люди опять зашумели, загадели.

— В прошлом году нам тоже предлагали сеять хлопок. Посеяли? Посеяли! А что получилось? Мы не слепые, видим, что плохо, а что хорошо! — крикнул кто-то.

Не утерпел и Сун Ю-цай. Он почесал в затылке и начал:

— Может, вы думаете, что на нашей земле вырастут деревья с золотыми листьями? Как же, ждите! Да я даю свою голову на отсечение, что ничего не получится из этой затеи. Можете тогда из моей головы горшок сделать!

— Пустое мелешь! — возразил кто-то из молодых. — Когда в тарелке суп — дна не видно. Так и в каждом новом деле.

Сун Гуй-мэй покраснела, на лбу даже капельки пота выступили, а слова Сун Ю-цай, как занозы, впились в ее сердце. Волнуясь и перебивая горящих, она начала:

— Да, сеяли в прошлом году хлопок. Но тогда у людей не было опыта, они не знали новых методов обработки почвы! У нас теперь кооператив, сил стало больше, больше людей!

— Много людей?! Что же из этого? — перебил Сун Ю-цай. — Новые методы! У нас климат неподходящий. А воды сколько надо? Да что там и говорить! Посеем семена, а соберем убытки. Глупая крыса, и та не ползет в чан с водой.

Слова Сун Ю-цай взбудоражили всех. Многие согласно кивали ему головой: мол, все верно сказал.

Не первый раз Сун Гуй-мэй слышала такие слова. Но сейчас они больно обидели ее. Она злилась на себя, на других, ей хотелось плакать, но было стыдно.

Она уже хотела заговорить, но ее опередил Чжан Юнь-шань.

— Шумом мы ничего не сделаем, — начал он. — Так или иначе, а всякое настоящее дело должно быть проверено. — Он повернулся в сторону Сун Ю-цай: — Дедушка Ю-цай, вот ты тут много говорил, а в существе дела так и не разобрался.

— А тут существа-то немного. Даю голову на отсечение! — закричал Сун Ю-цай.

Все засмеялись.

А какой-то шутник посоветовал: — Ты, дедушка Ю-цай, отдай голову жене, ты ею совсем не дорожишь, а твоей старухе она сгодится как горшок.

Слово опять взяла Сун Гуй-мэй:

— Кто хочет, тот рано или поздно добьется своего. Вы говорите, что нет воды. А мы вот возьмем да выроем колодцы, проложим трубы к полям. — Ртом воды не натаскаешь, — буркнул Сун Ю-цай.

— А мы горшком будем носить, что из твоей головы сделаем! — закричала сзади злые языки.

И опять раздался веселый хохот.

Не смеялась только Сун Гуй-мэй. Тревога все больше и больше заползала в сердце, и она уже не раз собиралась покинуть собрание, выбежать из дома и потихоньку поплакать на улице.

Вдруг кто-то подошел, полобил руку на плечо. Она обернулась. Это был ее отец.

— Дочка, — сказал он, — уступи ты этим крикунам. Разве ты одна сговоришься со всеми?

А из головы Сун Гуй-мэй не выходили слова председателя: «Государству хлопок нужен, сеять хлопок и нам выгодно и государству».

Сун Гуй-мэй пришла домой и, обессиленная, повалилась на кан. Есть она не стала: не до еды ей было теперь. Она устала в одну точку в стене и думала, думала... Какие великолепные планы строила она там, на курсах! Все ей казалось легким и достижимым, а вернулась... Люди ее не понимают... Ну, а что сделать? Ну, что?

Отец тоже вернулся с собрания. Он посмотрел на нее и сказал:

— Все думаешь? Да, не отчаивайся все это. А трудностей-то еще немало будет, ох, сколько их будет...

Пришел председатель и остановился у двери. Гуй-мэй поднялась с кана.

— Что же теперь делать будем? — растерянно начала она. — Будем сеять хлопок или не будем?

— Ты все еще сердисься? — спросил Чжан Юнь-шань.

Гуй-мэй не ответила.

— Гуй-мэй, ты на людей не обижайся. Ведь они не имеют никакого представления о хлопке. А сеять будем, обязательно будем.

Гуй-мэй не знала, что и ответить. За нее ответил отец.

— Я тоже так думаю, но люди на это не согласятся. Кто же захочет землю отдавать под опыты?

Юнь-шань улыбнулся:

— Опыт — это дело всего кооператива. Убытки, так они для всех понемногу. Все должны пить и есть. Никто не хочет быть голодным. Так я говорю? — Потом обратился к Гуй-мэй: — Мы тебе в помощь дадим комсомольцев. С ними ты справишься. Каждое новое дело не обходится без трудностей. Так было везде и всегда.

Прошло несколько дней, и к Гуй-мэй вернулась ее прежняя уверенность и деловитость. Она бегала по домам, тормошила всех и порой даже забывала поесть.

Наконец в кооперативе приняли решение о посевах хлопка на опытном участке. Стали рыть колодцы. Вырыли их всего за десять дней. Из города привезли водочерпалку, установили ее, и прозрачная вода, журча, побежала на хлопковый участок.

Сун Ю-цай частенько приходил на хлопковое поле, чтобы посмотреть, что там творится.

— Колодцы-то можно вырыть, а вот сумеете ли хлопок посеять, это еще вопрос. Даю голову на отсечение, что хлопок не будет, — не сдавался он.

А сердце Гуй-мэй разрывалось от досады.

Пришла пора сева. Дни стояли пасмурные, с холодными ветрами.

Гуй-мэй беспокоилась с каждым днем все больше. Часто по вечерам, когда она ложилась спать, отец говорил ей, что нужно послушаться разумных советов и бросить хлопок. Но Гуй-мэй стояла на своем.

Прошло еще несколько дней. Потеплело, и однажды в солнечный день хлопок был засеян. На деревне только и разговору было, что о хлопке. Все ждали всходов. Но шли дни: один... два... и еще несколько дней, — а всходов все нет и нет. Сун Гуй-мэй не находила себе места.

Только Сун Ю-цай ходил гордый. — Видели! — говорил он. — Сбываются мои слова. Это — дело пустое.

Каждое утро Гуй-мэй уходила в поле. Она ходила из конца в конец по участку.

«Где же причина неудачи?» — спрашивала она себя и не могла ответить. Она разгребала землю и вынимала семена. Они были такими же, какими их посеяли. А некоторые стали загнивать. Теперь люди часто спрашивали ее: «Как хлопок?» А она краснела и ничего не отвечала. Да и что скажешь? На память приходили обидные слова: «Молода-зелена... Каши мало ела... А мы не ученые, не один десяток лет на воловий зад смотрели...»

Заходил на участок к ней Чжан Юнь-шань, он, как умел, старался ободрить ее.

— Ты особенно-то не убивайся, — говорил он ей. — В этот год не получилось, на следующий попробуем. Завтра придет специалист из опытной станции.

На другой день Гуй-мэй и Юнь-шань повели агронома Вей на участок. Он разгреб землю, вытащил семечко, положил на ладонь и затем размял его.

— Слешком глубоко посеяли, и земля была холодная. У вас глубоко сеять хлопок не следует. — Он взял за руку Гуй-мэй, присел на корточки: — Вот, посмотрите, как глубоко

лежат семена. Придется пересеять, пока не поздно.

Участок пересеяли. Прошло несколько дней, и всходы — нежные, зеленые всходы — покрыли весь участок.

Как-то забрели на участок Сун Ю-цай и его приятель Эр Гуй. Они теперь стали ходить везде вдвоем.

— Если бы из уезда не приехали, дело пропало бы, — сказал один.

— Случайная удача, — поддержал другой.

Но беды не оставляли Сун Гуй-мэй. В один из дней небо стало быстро хмуриться, налетел сильный ветер. По дорогам летела пыль, песчинки били в лицо так, что глаз нельзя было открыть. Ветер дул весь день и только ночью утих. Тучи рассеялись, и на небе снова засверкали звезды.

Ночью Юнь-шань получил из уезда сообщение: ожидаются заморозки. Посыльный, посланный от Юнь-шаня к Гуй-мэй, передал ей это. Она вскочила, быстро оделась и побежала к двери. В дверях она столкнулась с Юнь-шанем.

— Поднимай людей! — сказал он ей.

Она выбежала на улицу. Холод пронизывал ее до костей. Она посмотрела на небо. Темно. Луны не видно. Петухи кричат по всей деревне. Она бегала от дома к дому и будила людей. Потом она побежала в поле, к хлопку. Обгоняя ее, бежали Сун Ю-цай и Эр Гуй. Всем распоряжалась Гуй-мэй. Люди разожгли костры и всю ночь провели около них, поддерживая огонь, дожидаясь рассвета.

Через несколько дней в деревне получили газету, в которой сообщалось о том, как кооператоры спасали хлопок.

Сун Ю-цай показывал всем газету и хвастался:

— А что было бы, если бы я тогда не прибежал в поле? Пропали бы всходы!

А хлопок все рос и рос. Вскоре стала поспевать рожь, и нужно было начать косьбу. О хлопке на время забыли. Потом несколько дней шли дожди. А когда снова наступили жаркие дни, Гуй-мэй пришла на свой хлопковый участок и не узнала его: листья хлопка сморщились и стали закручиваться.

Когда Гуй-мэй вернулась в деревню, у ворот правления она увидела сидящих на земле женщин. Она подошла к ним.

— Хорошо ли растет твой хлопок? — спросила одна из сидящих.

Гуй-мэй опустила голову. Все прекратили разговор.

— Что-нибудь случилось?

— Тя появилась на хлопке. Химикаты нужны...

Некоторые даже рты раскрыли от удивления.

— Вон что! От нее не спасешься. Пройдет дождь, она и сама пропадет, — посоветовала ей одна.

Гуй-мэй отрицательно покачала головой:

— Так нельзя...

— В кооперативе денег нет на химикаты, — заметил неизвестно откуда взявшийся Сун Ю-цай.

На следующий день Сун Ю-цай собирался ехать в город, продать зерно государству.

— Я поеду в город с тобой, — попросилась Гуй-мэй. — Найду председателя и сама с ним поговорю.

Но Юнь-шаня в городе разыскать не удалось.

Гуй-мэй направилась на опытную станцию. Она рассказала о своей беде начальнику опытной станции, и тот дал ей взаимные опрыскиватель.

— А химикаты в снабженческом кооперативе есть, возьмите их в кредит.

После беготни по городу с мешками и опрыскивателем Гуй-мэй едва дотащилась до арбы Сун Ю-цай.

— Где это ты добыла?

— Добрые люди взаимно дали.

— А кто платить будет?

— Кто? Кооператив.

Сун Ю-цай сердился всю дорогу и ни словом не обменялся с ней.

Старик вдруг замолк. Я почувствовал, что он хочет сказать самое важное.

— То, что я тебе рассказал о Сун Гуй-мэй, знай, что это все о моей дочери. — И он громко рассмеялся.

— Ты отец Гуй-мэй?

— Да. — В голосе его слышалась гордость.

— Ну, а что же было дальше?

— А дальше... Да вот посмотри! — Старик показал рукой на широкие хлопковые поля, раскинувшиеся по обе стороны дороги. — Хлопок, да еще как растет!

Я осмотрелся кругом. Стройными рядочками зеленели небольшие ровные всходы хлопка. Вечерний ветерок ласково перебега по ним.

Перевел с китайского
М. БОРОДИН.

Борис ДУБРОВИН

Рязанцы

В залатанных сермягах
Вдоль сумрачной Оки
Отсюда шли ватагой
Крестьяне — в бурлаки.

Собрать бы пот и слезы
Угрюмых бурлаков,
Ока залет откосы,
Шагнет из берегов.

Жила, гроши считая,
Хлеб с лебедой деля,
Бурлацкая, скупая
Рязанская земля.

Но сыновья тех нищих,
Что звались «бурлаки»,
Хозяевами стали
Своей большой реки.

Лугов у нас довольно,
Широкие поля,
Могуча и раздольна
Рязанская земля.

И. ВАСИЛЕВСКИЙ

Утром

Утром из поселка,
Где сирень цвела,
Девушка с кошелкой
К берегу пришла.

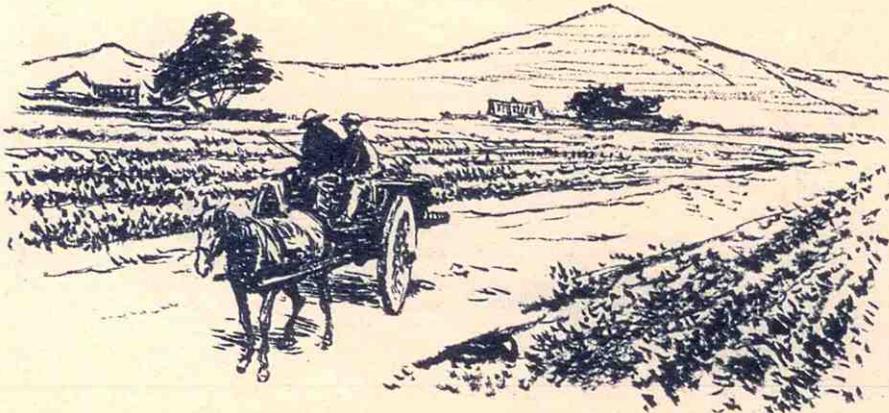
Дедовник кусается,
Колется пырей.
Как бы переправиться
Через речку ей?

Знать, на дождь играют
Окуни в реке.
Мимо проплывает
Парень в челноке.

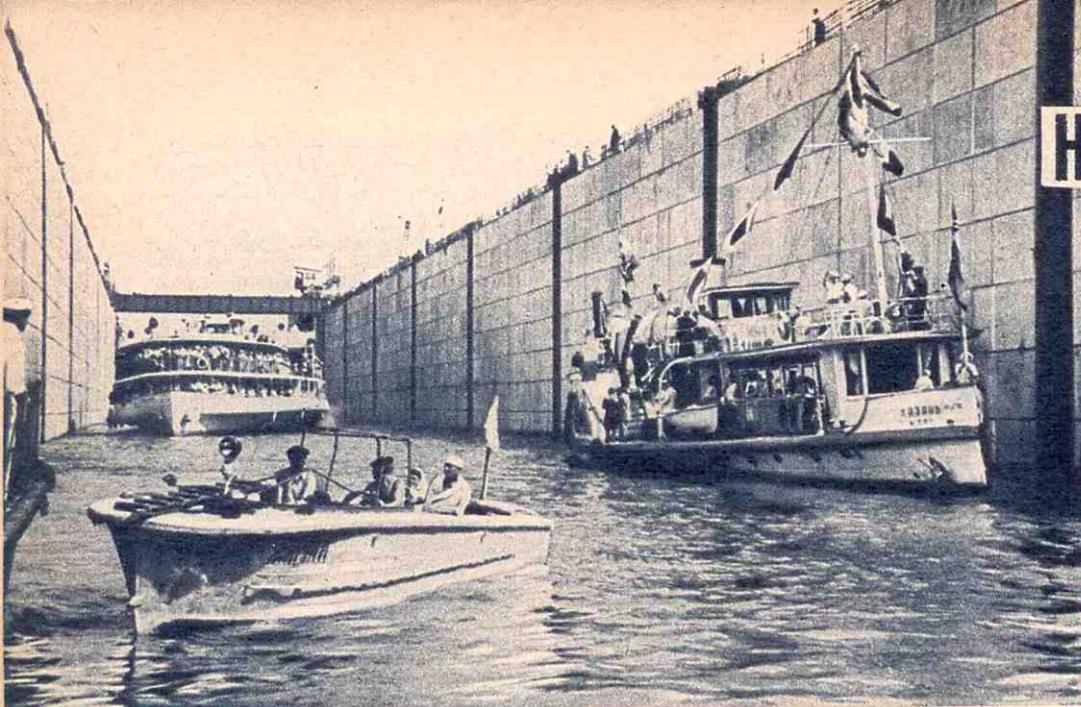
— Мне бы переправиться
В поле за травой.
Парень улыбается:
— Поплывем со мной.

Вечером залетка
К берегу идет.
А рыбак у лодки
Не дожидается.

И кричит за речкой
Где-то коростель,
Что рыбак сердечко
Посадил на мель.

На Волге и Днепре

На Днепре около легендарной Каховки, на Волге у города Куйбышева и у города Горького в этом году должны вступить в строй три мощные гидроэлектростанции.

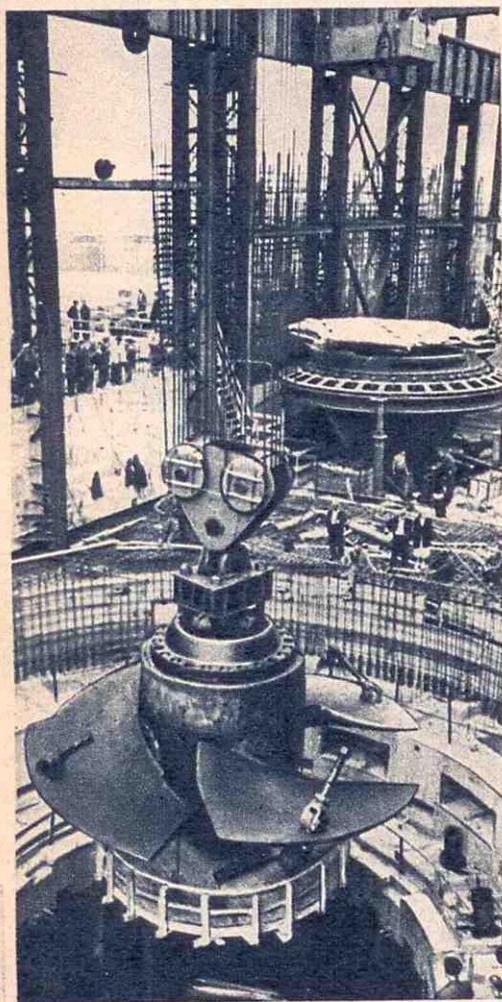
По плану, для того чтобы перекрыть русло Днепра, отводилось 10—12 дней. Но гидростроители получили от тяжелой индустрии могучую технику. 50 минских самосвалов, уральские и воронежские экскаваторы, буксирные пароходы и катера сбрасывали камень на дно реки. Пять земснарядов подавали по трубам тысячи кубометров пульпы (смеси воды и песка), а гидромониторы сильными струями воды намывали песок. Днепр удалось перекрыть за двое суток. Флагман Днепровского пароходства «Иосиф Сталин» открыл судоходство через Каховский шлюз.

Строители Горьковской ГЭС тоже успешно закончили перекрытие Волги и ведут сейчас монтаж турбин.

На строительной площадке Куйбышевской ГЭС собрались тысячи людей: через шлюзы должны пройти первые пароходы. Медленно раскрываются 350-тонные створки рабочих ворот шлюзов. Пароход «Казань», украшенный флагом, входит в камеру. А вслед за ним шлюзуются «Бажов», «Серафимович», «Можайский». Они плывут по отводному каналу мимо сооружаемой водосливной плотины и выходят в русло Волги.

Пройдет еще немного времени, и на карте нашей Родины появятся Куйбышевское, Горьковское моря, созданные руками советских людей. Еще величественнее станет Волга — магистраль пяти морей.

Гигантские электростанции на Днепре и Волге скоро вступят в строй. От Каховки, Куйбышева, Горького во все концы зашагали мачты высоковольтных линий, по которым пойдет ток.

Первые суда проходят шлюзы Куйбышевского гидроузла. ↑

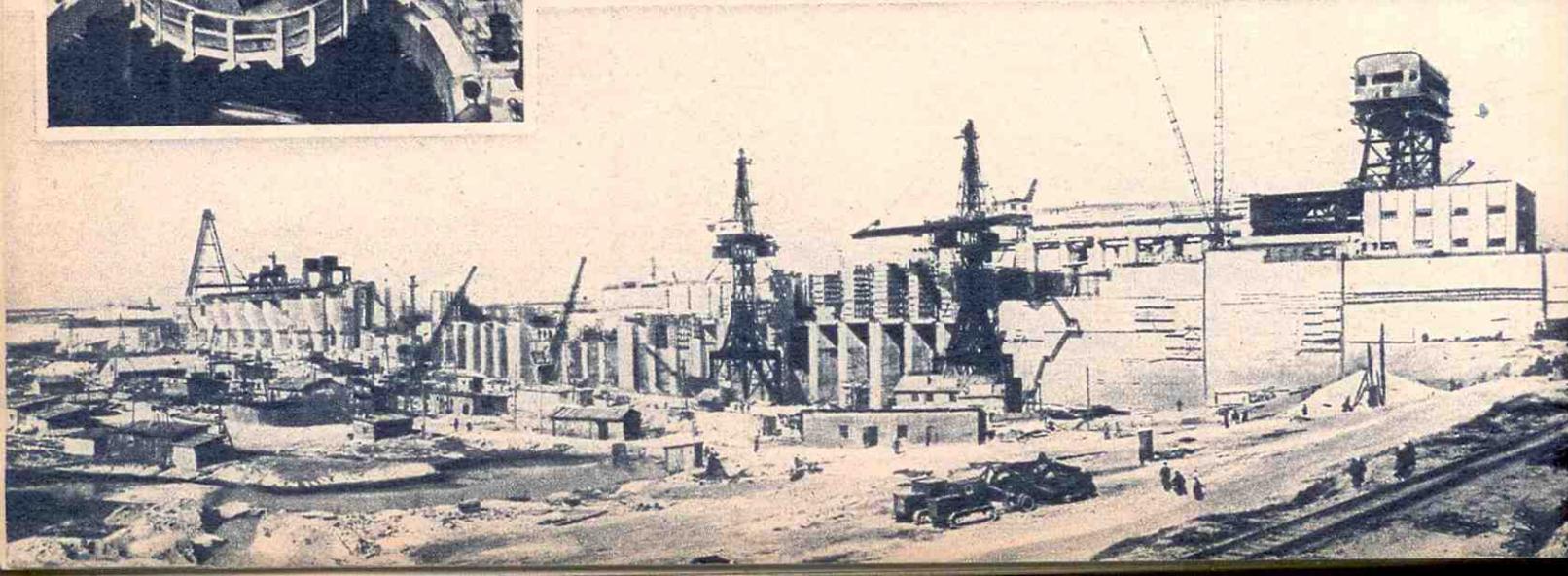
← Монтаж турбины Каховской ГЭС.

Фото Ю. Лихуты, П. Вознесенского, Я. Редькина (ТАСС) и А. Устинова.

← Комсомолки А. Сычева и Т. Виноградова, окончив среднюю школу, поехали на строительство Сталинградской ГЭС. Здесь они получили специальность — стали геодезистками. На снимке: А. Сычева (слева) и Т. Виноградова в котловане ГЭС.

На строительстве Горьковской ГЭС.

НАШ ДРУГ

Л. УВАРОВА

Фото Г. Дубинского.

ВЕРНУВШИСЬ с поля, ребята побежали к школьному саду, где вместе с другими школьниками работала их учительница. Перебивая друг друга, заговорили все сразу:

— Нина Петровна, сейчас председатель на поле приходил, говорит, хороша наша кукуруза!

— А она уж поднялась с позавчерашнего дня вот насколько!..

Десятки маленьких загорелых пальцев показывают каждый по-своему, насколько поднялась кукуруза.

— Вот и отлично,— удовлетворенно кивает учительница.

Ей близка и понятна радость ребят. Впервые в эту весну юннаты Анненковской школы получили возможность перенести свою работу по выращиванию кукурузы с маленьких опытных делянок на колхозное поле. Целых десять гектаров доверили им засеять этой новой в их краях культурой. А самая большая радость в том, что они, ребята, настоящему помогают колхозу.

В школьном саду шум ребячьих голосов, из-за стволов вековых лип мелькают выгоревшие от солнца платья девочек и мальчишечьи рубашки.

Много дел у юннат: кто окучивает кусты ягодника, кто пропальывает картошку, кто пасынкует томаты, а кто подвязывает гибкие лозы винограда: юннаты заставили прижиться у них, в Пензенской области, и это капризное южное растение.

Нина Петровна обводит взглядом загорелые, сосредоточенные лица ребят. Прекрасная подрастает в колхозе смена!

Вот Тамара Акимова, перешедшая в 9-й класс. Девочка в прошлом году была участницей Всесоюз-

К Нине Петровне Гаркиной часто заглядывают ее бывшие ученики. Вот в школьный сад пришла Тося Шаваева — она теперь студентка сельскохозяйственного техникума (снимок сверху).

После работы на школьном участке (снимок справа).

ной сельскохозяйственной выставки — за освоение кукурузы на пришкольном участке. На выставке Тамара вначале стеснялась говорить о своей работе. Потом осмелела, стала рассказывать посетителям павильона «Юннаты», как рыхлила землю, подкармливала посев, как проводила дополнительное опыление кукурузы.

Посетители слушали Тамару внимательно, а когда она закончила свой рассказ, старая колхозница-украинка, мастер выращивания кукурузы, ласково сказала:

— От це добра дивчина! Богато пользы от тебя колгоспу будет...

Они все, вот эти загорелые ребятишки, принесли и еще немало принесут пользы родному колхозу. И Надя Кондольская, которая вывела мичуринский виноград; и Лида Кулакова, вырастившая 35 кроликов от 3 маток; и Нина Зайцева, которая помогает ухаживать за молодняком на колхозной ферме.

Ее ребята... Сколько их прошло через ее руки за 30 с лишним лет! Осенним утром они впервые приходили в класс, маленькие, робкие, прижимая к груди буквари, тетрадки, новенькие пеналы. И она учила их читать, писать, считать. Она клала свою руку на их маленькие, неумелые пальцы и водила ими по бумаге. Вместе со всем классом нараспев читала: «Маша ест кашу. Мама моет Машу».

Она любовно и заботливо руководила ими во все годы их школьной жизни, стремилась привить ребятам любовь к родной земле, к увлекательному труду на этой земле.

И Нина Петровна может гордиться своими воспитанниками. Не только теми, кто, окончив высшие учебные заведения, стал агрономом, педагогом, врачом, но и теми, кто работает тут же, в родном селе: Тоней Макеевой, заведующей молочной фермой, дояркой Шурой Камзоловой, комбайнером Виталием Шурыгиным, бригадиром-полеводом Сергеем Афентьевым и многими другими...

Каждый год учащиеся Анненковской школы работают в колхозе на уборке зерновых и овощей,

роют траншеи для силоса, вывозят удобрения на поля, на опытных участках выращивают новые, урожайные сорта пшеницы, выводят наилучший для здешних мест картофель.

Школьники-юннаты вырастили и передали колхозу 1 400 дубков для лесозащитных полос, озеленили улицы села, разбили парк возле клуба. И пусть саженцы берез, лип и кленов еще совсем маленькие, придет день — разрастется парк, сомкнутся густые кроны деревьев, и на ровные, прямые дорожки упадет рябая от солнца и листьев тень.

* * *

Так уж повелось в селе Анненкове: у кого какая забота, тревога или большая радость, каждый спешит к Нине Петровне Гаркиной — поговорить по душам, поделиться, выложить все как есть.

Приходят ученики посоветоваться, что делать после окончания школы. Иные надумали поехать учиться дальше, иные решили остаться здесь, — с каждым Нина Петровна подробно поговорит, поддержит дружеским словом. Приходят и родители поделиться своим наболевшим: или парень отбился от рук, или дочка не хочет помогать по дому, грубит матери.

Учительница всегда найдет, чем помочь.

Учились у Нины Петровны как-то две девочки, на редкость упорно и долго враждовавшие друг с другом. Оказалось, вражда эта имеет глубокие корни: матери девочек когда-то поссорились, а ссора эта отразилась и на их детях.

Нина Петровна решила положить конец вражде. Она посадила девочек за одну парту. Она поручала им совместную общественную работу, приглашала обеих девочек к себе, и мало-помалу те помирились, стали дружить, а вскоре и матери забыли о своей давней ссоре.

Однажды пришла к Нине Петровне колхозница и стала жаловаться на сына: посадила она помидоры, а сын взял да и оборвал побеги; говорит, так его в школе учат.

Юннаты Анненковской школы выращивают кукурузу и на опытных делянках и на десяти гектарах колхозных полей.

Здесь учительница встала на сторону сына.

— Он прав, — объяснила она матери. — Он провел так называемое пасынкование, отрыв боковых стеблей, для того, чтобы оставить всего один стебель, но зато он будет крупным и мощным.

Осенью колхозница снова пришла к учительнице и призналась:

— Твоя правда, Петровна. Помидоры уродились что надо. Ну-ка, расскажи еще раз, что это такое за пасынкование...

В течение многих лет ученики Нины Петровны не получают по биологии отметки ниже четверки. Многие темы, которые они проходят на уроках биологии в классе, подробно разрабатываются практически на школьных делянках. В школу приходят письма из Куйбышевской, Ульяновской и других областей. В ответ на них Нина Петровна вместе со старшеклассниками отправляет посылки с семенами томатов, арбузов, дынь, многолетней ржи, ветвистой пшеницы...

Часто получает она письма от бывших своих питомцев.

«Дорогая Нина Петровна, — пишет ей Ада Семина, которая учителем ныне в одном из больших сел Пензенской области, — пришлите мне семена томатов, кольраби, дынь и арбузов. Хочу и в здешнем школьном саду завести такой же опытный участок, как и в Анненковской школе».

А недавно пришло письмо с целины, из Алтайского края.

«Я теперь живу в новом совхозе, — пишет бывшая ученица Нины Петровны Валя Варламова. — Места здесь богатые, а садов еще нет ни у кого. Вспомнился мне наш сад, в котором мы когда-то так много работали вместе с вами, и решила я напомнить вам о себе, попросить прислать побольше семян цветов, ягод и овощей. С осени думаем закладывать здесь сад...»

...Незаметно опускаются сумерки. Нина Петровна идет от делянки к делянке, проверяя работы ребят. Вот она подходит к винограднику, обнесенному тонкой проволочной оградой. Возле двух кустов стоят два мальчика, пристально разглядывают листья.

— Что это вы высматриваете? — спрашивает Нина Петровна.

— Мы тут опыт делали, — отвечает один из мальчиков, тот, что постарше, а другой, слегка краснея, добавляет:

— Обычно ребята на зиму засыпают виноградные кусты землей, как вы нас учили...

— Ну да, — соглашается учительница, — чтобы предохранить от морозов.

— А мы решили попробовать оставить эти две лозы на зиму так, без защиты, — продолжает мальчик, — захотели их закалить...

— Воспитание холодом, — улыбается Нина Петровна, и ее светлые глаза по-матерински тепло глядят на школьников. — Ну, и что же? Удался ваш опыт?

Вместо ответа мальчики поднимают тонкие, гнувшиеся к земле лозы. В тени резных листьев видны сочные, хотя еще и незрелые гроздья.

Да, опыт, по всему видно, удался!

Кузнецкий район,
Пензенская область.

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

29 сентября исполняется двадцать пять лет со дня смерти Ильи Ефимовича Репина — великого художника, чей ум, талант и труд обогатили нашу национальную культуру.

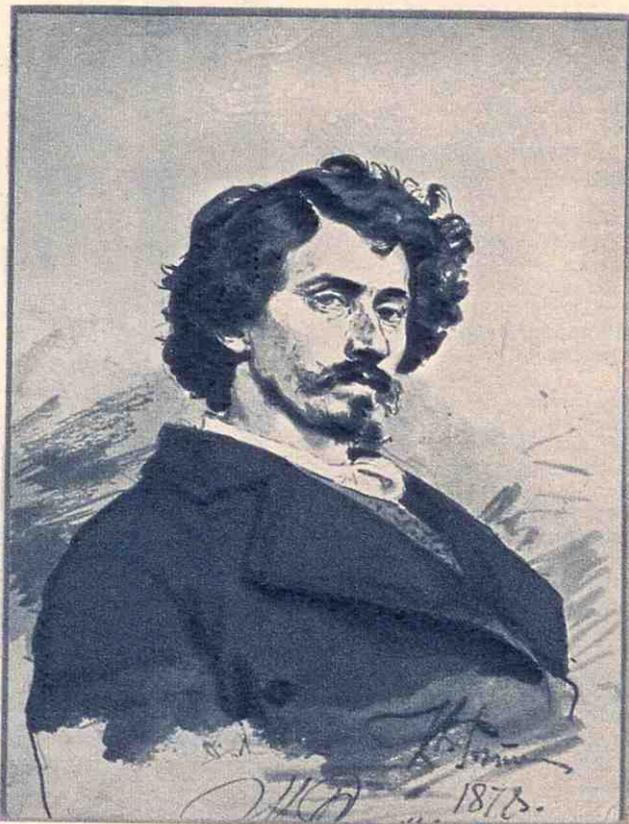
Илья Ефимович Репин за свою жизнь написал множество картин и портретов, сделал тысячи зарисовок и этюдов.

Его картины бережно хранятся в Третьяковской галерее в Москве, Русском музее в Ленинграде, в музеях Минска, Ашхабада, Молотова, Харькова и других городов. В картинах И. Е. Репина глазам открывается огромный и разнообразный мир. Здесь и далекое прошлое нашего народа, и жизнь русского общества в конце XIX и начале XX века, и портреты выдающихся современников Репина: писателя Льва Толстого, хирурга Н. И. Пирогова, композитора М. П. Мусоргского, критика В. В. Стасова и многих других.

Для творчества Репина характерно, что темы и образы для своих произведений он искал в самой действительности. В одном из своих писем к критику и другу В. В. Стасову Илья Ефимович писал, что нужно создавать «...картины из самой животрепещущей действительности, окружающей нас, понятной нам и волнующей нас более всех прошлых событий».

Илья Ефимович старался как можно больше наблюдать жизнь простых людей. С альбомом в руках, куда он заносил свои впечатления, он бывал на базарах, свадьбах, на постоянных дворах, в трактирах и церквях.

Однажды, отправившись в яркий, солнечный день на воскресную прогулку в окрестности Петербурга, И. Е. Репин увидел на Неве бурлаков. Его поразили контраст между нарядной гуляющей публикой и оборванными, выбивающимися из сил людьми. Репин решил написать картину «Бурлаки». Он едет в 1870 году на Волгу и делает там много зарисовок с натуры, внимательно изучает жизнь бурлаков. Написав несколько вариантов картины, И. Е. Репин наконец остановился на том,

И. Е. РЕПИН. Автопортрет.

который хранится в Русском музее.

...Одиннадцать бурлаков тянут тяжело груженную баржу. У каждого из них свой облик, свой характер и даже, можно сказать, своя биография. Перед зрителем в этой картине встает образ угнетенного, но исполненного сил народа.

Илья Ефимович Репин был сыном бедного военного поселенца из Чугуева. Он страстно любил

свою страну, свой народ и стремился выразить правду и глубоко жизнь народа, его думы и чаяния.

Кисти И. Е. Репина принадлежат замечательные картины из жизни крестьянства: «Крестный ход в Курской губернии», «Проводы новобранца», «Экзамен в сельской школе», портреты крестьян и крестьянок.

И. Е. Репин пишет картины, в которых отображает революционное движение.

Это «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди» и одно из лучших произведений Репина, «Не ждали», в котором изображено неожиданное возвращение революционера с каторги.

Эта картина встретила горячий прием у передовой части русского общества.

Картины И. Е. Репина с 1878 года регулярно появлялись на передвижных выставках, которые устраивались Товариществом художников передвижных выставок — организацией, объединявшей передовых художников того времени, членом которой был Репин. Его картины каждый раз поражали зрителя растущим мастерством и разнообразием тем.

И. Е. Репин часто обращался и к истории. Картины «Иван Грозный и его сын Иван» и «Запорожцы» — высочайшее достижение мировой живописи.

О первой из этих картин Лев Толстой сказал: «Мастерство такое, что не видать мастерства».

«Запорожцы» — яркое, жизнерадостное полотно. Казаки пишут ответное письмо турецкому султану, предложившему им подчиниться и пойти к нему на службу. И в позах, и в выражении лиц, и в том, как заразительно весело смеются запорожцы, чувствуется удаля, несокрушимая сила народная и твердая решимость отстаивать свою независимость.

Картины И. Е. Репина доставляют наслаждение своим великолепным мастерством, помогают нам лучше узнавать и понимать прошлое нашей Родины.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

20 лет назад умер известный русский деятель науки, изобретатель Константин Эдуардович Циолковский.

Еще в конце прошлого века он разработал проект металлического дирижабля — управляемого воздухоплавательного аппарата. В 1903 году впервые в науке Циолковский научно обосновал возможность постройки реактивного двигателя, ракеты, с помощью которой можно совершать полеты с Земли на другие планеты.

Учитель физики в Калуге, Циолковский не получал в царской России ни денег, ни поддержки для того, чтобы практически воплотить свои замечательные идеи. Только после Октябрьской революции труды его становятся широко известными, а изобретения начинают осуществляться.

В 1933 году в своем выступлении по радио Константин Эдуардович говорил: «Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогулка на

Марс начнется лишь через много лет. Но сроки меняются. Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия».

Теперь, когда мы действительно накануне первых полетов в межпланетное пространство, эти слова ученого воспринимаются как пророческие.

В своем предсмертном письме К. Э. Циолковский завещал все свои труды Коммунистической партии и советскому народу.

МАСТЕРА Советской Прибалтики

С большим вкусом украшают свой быт народы Прибалтики. В руках художников и народных мастеров прибалтийских республик такие обыденные вещи, как посуда, книжный переплет, маленькая брошь, ваза, ткань, мебель, становятся подлинными произведениями искусства.

Мастерство народов Прибалтики было показано в Таллине и Москве на выставке декоративно-прикладного искусства Латвии, Литвы, Эстонии.

Внимание зрителей привлекает витраж «Дружба народов» (мозаика из цветных стекол), созданный художником Стошкусом, где показана дружба народов нашей страны. Свежесть и яркость красок создают радостное, праздничное настроение.

Широко представлены на выставке керамические изделия. Здесь самой разнообразной формы кувшины, блюда, вазы, чашки, в мягких, золотистых, нежнозеленых, синих, розовых переливающихся тонах.

Замечательна настольная скульптура художников Прибалтики, отображающая труд и отдых людей.

Широко славятся изделия мастеров Прибалтики из стекла и хрусталя.

В Прибалтике широко распространена художественная обработка янтаря. На выставке можно видеть самые разнообразные поделки из него: броши, ожерелья, браслеты. Янтарь используется для отделки всевозможных шкатулок, ларцов и других изделий из полированного, резного, крашеного дерева.

На выставке были показаны самые разнообразные предметы из кожи: переплеты книг и альбомов, рамки, сумочки, кистеты, кошельки, закладки для книг, — украшенные разнообразными узорами.

На снимках:

«Дружба народов». Центральная часть
вitraжа (мозаика из цветных стекол).
Автор — А. Стошкус.

Ткани

Посуда. Керамика. Авторы — Э. Резметс,
Ю. Матвей, Нарквявиченя.

«Рыбы». Хрустальная ваза. Автор — М. Роосм.

Декоративные тарелки.

Авторы — И. Кару,
Ю. Матвей.

Мебель.

Настольная скульптура.
Авторы — Маномайтис,
Микулевичус,
Л. Бельвертайте.

Как человек приручил животных

С. БОГОЛЮБСКИЙ

СРЕДИ бесчисленного количества видов животных, которые существуют на нашей земле, есть сравнительно небольшая группа таких, которых принято называть домашними. Но не все знают, как произошли эти домашние животные, каким образом стали они служить человеку.

Прежде думали, что домашние животные всегда были такими, какими они являются сейчас, что они якобы для того и созданы, чтобы служить человеку. Но теперь наука точно установила, что все эти животные произошли от диких предков, от которых они значительно отличаются и внешним видом, и внутренним строением, и своими повадками. И сделал их отличными от своих предков человек. Это он изменил природу некоторых диких зверей, приручил их, превратил в домашних животных.

Случилось это сравнительно недавно. Уже, по крайней мере, полмиллиона лет существует современный человек. Но только в последние 12—15 тысячелетий он начал одомашнивать животных.

На протяжении сотен тысяч лет человек питался только тем, что без особого труда находил в самой природе. Он собирал плоды, листья, корневища, насекомых, улиток, убивал для пищи тех животных, которых можно было поймать. А орудия, с помощью которых трудился человек, добывал себе пищу, строил жилище (шалаш или пещеру), были очень несложными. Это были слегка отделанные куски камня, дерева, заостренные и заточенные кости, ракушки.

Но человек все совершенствовал орудия своего труда, учился все более надежными средствами добывать себе пищу. Он перестал собирать только то, что выбрасывали на берег моря и реки, а стал сам ловить рыбу с помощью простых снастей. Изобретение лука и стрел облегчило охоту на разных зверей. Благодаря охоте человек стал узнавать повадки и потребности диких животных. Охотники часто доставляли в свои жилища раненых животных и осиротевший молодняк. Для охоты, для того, чтобы выследить и загонять зверей, человеку понадобился помощник. Таким помощником стала собака. Именно дикую собаку первой из всех зверей удалось человеку приручить, одомашнить.

А потом у человека появились и новые потребности. Когда людское население стало расти, а дикие звери все в больших количествах начали истребляться охотниками, появилась необходимость разводить нужных животных. Человек начал ловить диких зверей, приучать их жить возле себя и благодаря этому получал мясо, молоко, кожу, а потом и шерсть. Так человек стал заниматься скотоводством. Некоторые племена начали заниматься земледе-

лием. Им понадобились помощники для обработки земли. И люди стали приручать для этого сильных животных.

Приручал животных человек разными способами. Дикая собака, вероятно, сама пришла к человеку. Ее привлекали к людскому жилью отбросы мясной пищи. Человек стал прикармливать собаку, и она, естественно, привыкла к нему. Других животных человек приручал насильственно: ловил и постепенно смирял их дикий нрав. Это было легче сделать с молодыми зверенышами: они быстрее приучались подчиняться человеку.

Не все звери размножаются в неволе. Человек отбирал для одомашнивания таких животных, которые, и лишившись воли, давали потомство. Он отбирал для разведения самых податливых, самых сильных, самых полезных ему животных. Он скрещивал между собой животных разных видов и получал новые, небывалые прежде виды. Благодаря такому отбору и скрещиванию, другим условиям жизни, перемене корма, благодаря уходу за молодняком и шло постепенное изменение прежних диких животных.

Сейчас не всегда даже можно определить, от какого дикого зверя произошло современное домашнее животное. Дикие предки некоторых домашних животных давно вымерли. Так, предками домашней собаки были теперь уже не существующие древние шакалообразные собаки, кости которых находят при раскопках жилищ первобытного человека. У других же домашних животных дикие предки, от которых они произошли, сохранились и поныне. Так, например, предками домашних свиней являются дикие кабаны, которые и сейчас встречаются и в Европе и в Азии.

На примере крупного рогатого скота можно проследить, какие изменения вносил человек в строение и повадки диких животных. Предками наших коров были туры — животные, которые вымерли совсем недавно, лет триста назад. Туры были сильными, поджарыми, легкоподвижными животными темнобурой масти. Они имели длинные, вперед направленные рога. В далекие времена эти звери стадами нападали на посевы земледельцев и приводили людей в ужас. Народ называл их «буй-туры», и охота на них считалась геройским делом. И вот это-то дикое животное человек превратил в нынешнюю спокойную и медлительную корову. Как не похожа она на своих диких предков! Дикая турица давала молока мало, лишь на теленка, то есть не более 400—500 литров в год. А теперь коровы даже не улучшенных пород дают до 1 000—1 500 литров в год, а коровы улучшенных пород дают до 6 000 литров. От отдельных же коров получают молока много больше. Для того, чтобы вывести таких ко-

ров, человек постепенно, в течение многих поколений переделывал природу туров. В результате изменился весь пищеварительный тракт крупного рогатого скота — он стал значительно более объемным. Человек приучил корову поедать значительно больше корма, чем ее дикий предок. Под влиянием усиленной кормежки, ухода за молодняком, дойки изменились все железы, особенно молочные. Вымя достигло большого объема и сильно спадает после дойки.

Огромный труд затратил человек, чтобы произвести такие изменения. Свою работу по одомашниванию диких зверей человек проводил на протяжении тысячелетий. Но в давно прошедшие времена переделку природы животных человек вел без пла-

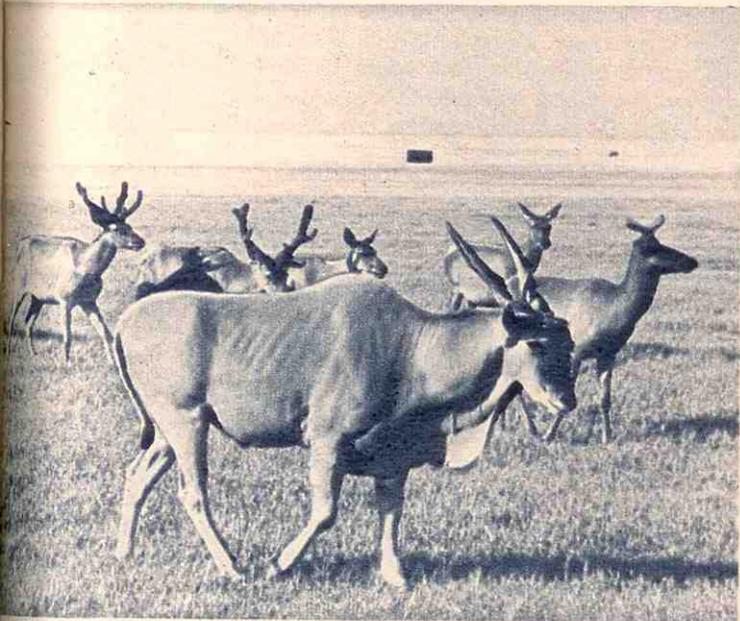
на, без твердо установленной цели. Он просто отбирал лучшие, наиболее подходявшие ему экземпляры, а худшие убивал, уничтожал. С ростом знаний законов природы человек начинал ставить себе определенные цели. Еще древние греки две тысячи лет тому назад научились сознательно подбирать на племя животных, производить скрещивание животных разных пород таким образом, чтобы получить новые, улучшенные породы. Много позже животноводы стали заводить племенные книги, устанавливали точные законы скрещивания, наследования отдельных качеств и научились выводить породы по заранее установленному плану.

Великий английский ученый Дарвин, живший в прошлом веке, много сделал для разъяснения того, как человек изменял природу диких животных и растений. Он окончательно доказал, что домашние животные произошли от диких предков благодаря воздействию человека. Наблюдения за домашними животными помогли Дарвину установить, что природа всех животных, населяющих землю, вообще непрерывно изменяется под воздействием внешних условий. Под влиянием этих условий животных и растительный мир становится все более приспособленным к жизни в окружающей среде. А человек убыстряет этот процесс видоизменения, направляет его в нужную для себя сторону.

Одомашнивание диких животных происходило не только в древние времена. Оно ведется и сейчас. В Советском Союзе существует специальный научный институт, где проводятся работы по одомашниванию диких животных. Это Аскания-Нова, вблизи Каховки. Здесь удалось приручить, например, страусов, которые несут огромные яйца. Одомашнивают здесь и красивую, с вкусным, нежным мясом птицу — фазана, приручают в Аскании диких антилоп. В других местах советские специалисты приручают лосей, учат их ходить в упряжке, под седлом. Ведутся работы по одомашниванию диких лисиц, соболей, диких оленей — маралов и т. д. Проводятся работы и по выведению новых видов домашних животных путем скрещивания. В той же Аскании, скрещивая зебу с красностепной породой крупного рогатого скота, получили совершенно новое животное. Оно дает молоко повышенной жирности. Этот новый зебувидный скот нашел хозяйственное применение в Азербайджане.

Но советские ученые и зоотехники больше заняты не одомашниванием новых видов диких животных, а улучшением старых, в которые уже вложен тысячелетний труд многих человеческих поколений. И здесь советские животноводы добились замечательных успехов. Они вывели ряд новых ценнейших пород сельскохозяйственных животных. Большое количество новых пород было создано за невиданно короткий срок — за двадцать лет. Это стало возможным благодаря тому, что работы по выведению новых пород ведутся в нашей социалистической стране по плану, в содружестве ученых и передовиков советской деревни.

Человек все более успешно переделывает природу, все в большей мере подчиняет ее себе. Пройдет время, и многие дикие животные станут домашними, а наши старые друзья, уже прирученные животные, приобретут новые ценные качества и еще лучше станут служить человеку.

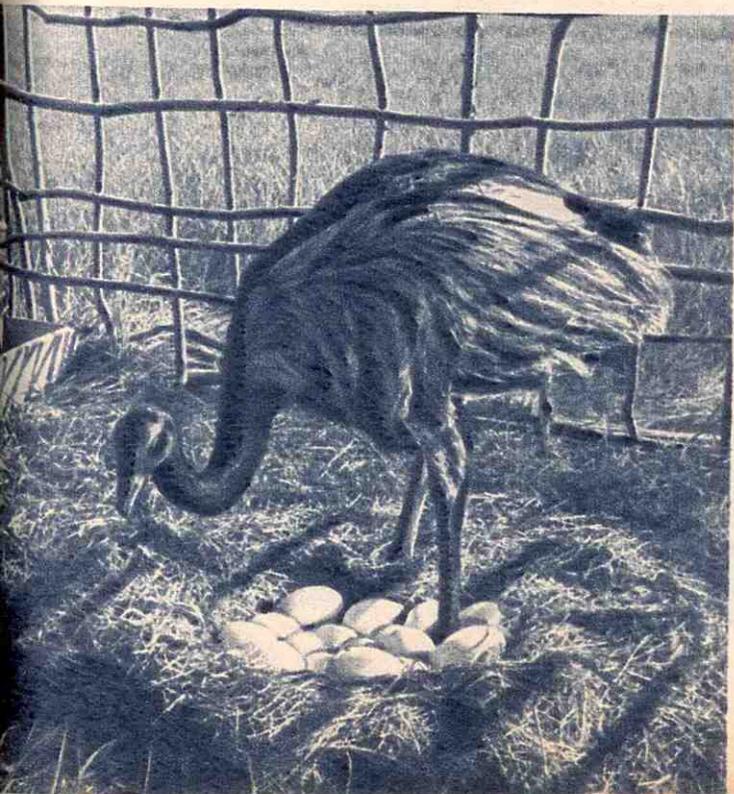

Антилопы канны и олени маралы, которых приручают в Аскании-Нова.

Фото А. Фатеева (ТАСС).

Страус нанду возле своего гнезда (Аскания-Нова).

Фото Ю. Лихута (ТАСС).

УХОД ЗА ГРУДНЫМ РЕБЕНКОМ

При уходе за новорожденными и детьми грудного возраста необходимо тщательно соблюдать чистоту. Кормящая мать должна носить платья из легко моющейся материи или на время кормления надевать чистый фартук, а голову повязывать чистой косынкой.

В течение первых шести месяцев ребенка необходимо купать ежедневно.

В первый месяц жизни рекомендуется купать ребенка в кипяченой воде, особенно если вода взята из колодца или из пруда. Температура воды должна быть плюс 36—37° по Цельсию. Для купания необходимо иметь оцинкованную ванночку или удлиненный оцинкованный таз. После шести месяцев купать нужно через день. Мыло можно употреблять обычное туалетное, банное или детское. С мылом купать ребенка нужно один раз в 3—4 дня, остальные 2—3 дня — в чистой воде без мыла. После купания обсушивают кожу тонкой, заранее приготовленной теплой простынкой, складки кожи слегка смазывают вазелиновым маслом или кипяченым растительным маслом. Хорошую кожу здорового ребенка старше одного месяца можно не смазывать и не припудривать.

Тело грудного ребенка легко охлаждается и легко перегревается. И чаще всего матери грешат тем, что перегревают ребенка излишним укутыванием. А от этого он потеет, что его ослабляет, делает восприимчивым к простуде. Кроме того, при перегревании на теле ребенка появляются потница, опрелость, чирьи. Особенно вредно завертывать ребенка в пуховые и шерстяные вязаные платки. Перегревание, особенно в летнее время, вызывает понос, рвоту, повышение температуры. Вот почему надо научиться завертывать и одевать ребенка так, чтобы он был тепленьким, но не потным.

Уже со второй недели жизни при пеленании можно оставлять свободными руки ребенка, надев на него сверху тонкую распашонку, теплую кофточку с застежкой спереди и с длинными рукавами. Очень вредно туго пеленать ребенка. При таком пеленании у него нарушается дыхание и плохо работает кишечник. Для нормального развития ребенок должен свободно дышать, двигать руками и ногами.

У ребенка должна быть отдельная кроватка (кор-

зинка или коляска). Кроватку надо поставить подалее от печки, в светлой части комнаты, но так, чтобы ребенок не падал в глаза яркий свет. Завешивать кроватку не следует: это мешает доступу воздуха. Очень вредно всякого вида укачивание: оно вызывает головокружение, и ребенок делается беспокойным. Здоровый ребенок хорошо спит и без укачивания.

Комнату, где находится маленький ребенок, надо хорошо проветривать. Зимой открывать 3 раза в сутки форточку. Летом окно можно держать открытым почти все время, но надо завесить его марлевой или тюлевой занавеской от мух и комаров. Так как грудной ребенок плохо сопротивляется инфекции, его не следует носить в гости или давать на руки посторонним людям.

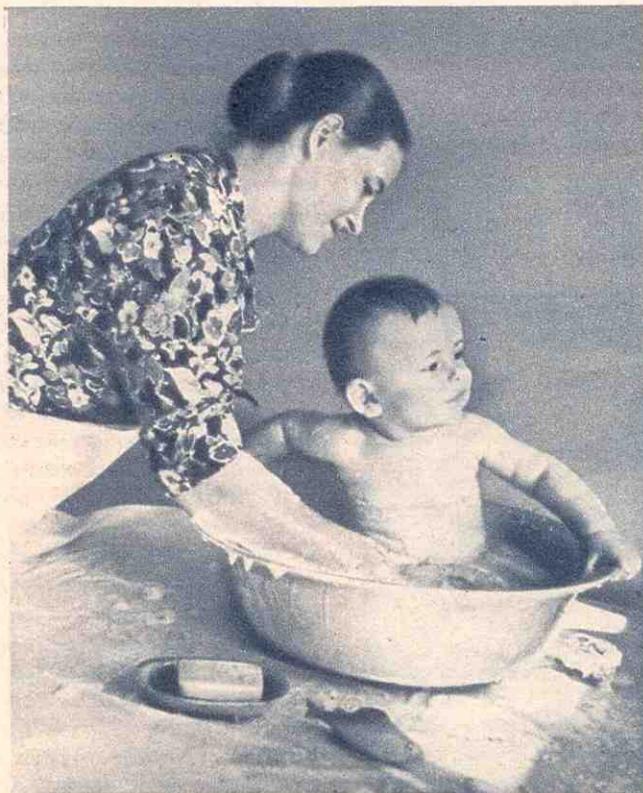
На прогулку ребенка можно начать выносить летом на 10-й от рождения день, а зимой — к концу третьей недели жизни.

Первые прогулки зимой начинают с 15—20 минут (при температуре не ниже 10 градусов мороза), ребенка при этом следует держать на руках. Летом, в жаркое время, надо гулять с ним в тени. Закрывать лицо ребенка не следует даже зимой.

Ребенок в первые месяцы жизни спит большую часть суток, и для кормления его приходится будить. В дальнейшем до трех месяцев ребенок должен спать по 1,5 часа между кормлениями. С трех до десяти месяцев ребенок спит днем 3 раза по 1,5—2 часа и ночью 10 часов. С десяти месяцев до полутора лет дети спят 2 раза в день.

Дневной сон, кормление, купание, прогулки следует проводить ежедневно в одни и те же часы. Чередование сна и бодрствования рекомендуется организовать так, чтобы ребенок гулял сразу после кормления и засыпал, уже нагулявшись. После сна ребенок хорошо ест, спокойно гуляет. Кормление ребенка перед сном проходит хуже: ребенок утомлен, капризничает, засыпает, не успевая хорошо покушать.

Одним из показателей хорошего здоровья ребенка является правильная прибавка в весе. Нормально, если в первые месяцы вес ребенка увеличивается каждую неделю на 200 граммов.

Врач А. ПАВЛОВА

Моды

ПЛАТЬЕ из шерстяной ткани. Полочки отрезного лифа выкраиваются вместе с полудлинным рукавом. Воротник — шалька. Юбка прямая, четырехшовная, с внутренними карманами.

КОСТЮМ из плотной ткани. Жакет свободной формы, с поясом. На спинке — шов. Рукава — реглан, у манжет немного присобраны. Жакет отделан строчкой. Юбка прямая, двухшовная, на притачном поясе.

ПЛАТЬЕ из шерстяной ткани. Отрезной лиф с фигурным вырезом ворота и мягкими вытачками от талии. Рукав втачной, полудлинный, с расширенной манжетой. Спереди юбка в мелких складках, сзади — гладкая.

СВОБОДНЫЙ ЖАКЕТ из мягкой ткани. Втачной рукав с отворотом, к низу рукав слегка расширен. Карманы прорезные. Жакет застегивается на потайные пуговицы.

КОСТЮМ из вельвета для мальчика. Полочки и спинка курточки на кокетке и притачном поясе. Короткие брюки ниже колен застегиваются на пуговицы.

ПЛАТЬЕ из штапельного полотна для девочки. Отрезной лиф с вытачками от талии. Воротник — стойка с концами, завязывающимися бантом. Юбка четырехшовная, слегка расклешенная книзу и присобранная по талии.

КАК ДОБИТЬСЯ ЕЖЕГОДНОГО ПЛОДНОШЕНИЯ ЯБЛОНЬ

Н. СМЕРНОВ

Многие садоводы считают, что яблони плодоносят не ежегодно, а через год — два. Это неверно.

В течение двадцати с лишним лет я работаю садоводом в колхозе имени Молотова, Дмитровского района, Московской области. Ежегодно мы собираем с молодого сада, посаженного в 1930—1931 годах, в среднем по 100,7 ц яблок на гектар, а за последние два года урожай достиг 121 ц с гектара.

Как мы этого добились?

Образование плода на яблоне — сложный и длительный процесс. От возникновения зачаточной плодовой почки до полного созревания яблока проходит значительное время. В условиях Московской области дерево закладывает почки примерно в июне — июле, и только осенью будущего года они дадут зрелые плоды. Если яблоня весной обильно цвела и на ней образовалось большое количество завязей, у дерева не хватит сил и питательных веществ, чтобы одновременно с вызреванием плодов заложить и большое количество плодовых почек для урожая будущего года. Поэтому вслед за урожайным годом и следует неурожайный. Но можно ли этого избежать?

Опыт показывает, что, если усилить питание растения, можно побудить его закладывать плодовые почки не только в течение двух — трех недель июня и июля, а на протяжении всего вегетационного периода — и в августе и даже в сентябре.

Исходя из этого, мы и даем плодному дереву усиленное дополнительное питание именно в летне-осенние месяцы, что и помогает нам добиваться ежегодного плодоношения сада.

Осенью или ранней весной, в апреле — мае, мы даем дереву основное питание — органические удобрения (навоз) — из расчета от 50 до 150 килограммов на каждое дерево.

Одновременно вносим под плуг примерно половину всех запланированных на данную вегетацию минеральных удобрений — фосфора и калия. Азот в такой же пропорции даем двумя — тремя неделями позднее вразброс или под культиватор, когда корни дерева усиленно пойдут в рост.

Остальное количество минеральных удобрений нужно вносить в виде подкормок, которые целесообразно приурочивать к важнейшим моментам в жизни растения: окончанию цветения и появлению листьев, сбрасыванию завязи (июнь), закладке цветочных почек (июль), началу созревания летних сортов (август), созреванию поздних сортов (сентябрь), концу сбора плодов (начало октября).

При определении количества минеральных удобрений, потребных дереву,

нужно учитывать его возраст, урожай текущего года.

Так, при урожае в 120—130 ц с гектара для сада с деревьями в возрасте 15—20 лет можно рекомендовать внести в почву следующее количество минеральных удобрений из расчета на одно дерево: 1 кг суперфосфата, 600 г аммиачной селитры и 400 г хлористого калия как основное питание в апреле — мае и по 250 г суперфосфата, 150 г аммиачной селитры и 100 г хлористого калия в среднем на каждую из четырех — пяти последующих подкормок.

Азотистые вещества являются важнейшим элементом питания дерева, способствуют росту корней и листьев, поэтому азот должен входить в каждую из подкормок; при этом количество азотистых удобрений целесообразно несколько увеличивать в весенние и раннеосенние периоды. Фосфорные вещества особенно необходимы в период плодообразования (июль — август), а калий — при подготовке растений к зиме.

При определении количества минеральных удобрений нужно также учитывать особенности почвы, на которой расположен сад, и в зависимости от этого увеличивать или сокращать те или иные виды удобрений.

В нашем саду мы постоянно рыхлим междурядья. Суперфосфат заделываем в почву, азотистые удобрения вносим вразброс, под дождь или очередную обработку почвы. Со второй половины лета подкормки даем в виде растворов, делаем для этого за пределами кроны каждого дерева 12—15 лунок глубиной в 25—35 сантиметров. Таким путем мы доводим питательные вещества непосредственно до корневой системы и не питаем ими сорняки, появляющиеся в междурядьях.

Кроме минеральных удобрений, мы вносили в подкормку на каждое дерево 4—5 ведер раствора птичьего помета, который содержит много нужных плодному дереву веществ.

При очень обильном урожае, когда в обычных условиях сад обречен на неизбежное бесплодие в следующем году, мы вдвое увеличиваем количество удобрений. После такого усиленного питания дерева мы неизменно получаем хорошие урожаи и в следующем году.

При неблагоприятном течении весны, например, при длительной ранней засухе, ранневесенние удобрения используются плохо. В этом случае целесообразно в июне и даже в мае поливать деревья растворами питательных веществ.

При отсутствии необходимых химикатов можно использовать удобрительные поливы: навозную жижу, как из отстойников, так и в виде настоя навоза, раствор фекалий или птичьего помета.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Станкевич — Соревнование
М. Тимонин — Зеленый пассажир. Стихи
Н. Лиценко — Огород. Стихи
Праздник дружбы
В. Геновская — Бригадир
В. Кривенченко — Новые горизонты
В. Скотт — По Индонезии
М. Матюшин — Генка. Рассказ
Е. Вишнякова — Шесть дней на выставке
И. Аграновский — Дом спокойной старости
Си Жуи — Победа Сун Гуй-май. Рассказ
Б. Дубровин — Рязанцы. Стихи
И. Василевский — Утром. Стихи
На Волге и Днепре
Л. Уварова — Наш друг
Заметки из календаря
Мастера Советской Прибалтики
С. Боголюбский — Как человек приручил животных
А. Павлова — Уход за грудным ребенком
Моды
Н. Смирнов — Как добиться ежегодного плодоношения яблонь

ВКЛАДКИ:

«Хорошую кукурузу вырастили в молодежном звене Евдокии Бараниной». Колхоз имени Чапаева, Краснодарский край. Цветное фото А. Шишкина.

«БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ» (1873 год). С картины И. Е. Репина.

«ПОДРУГИ». Фотоэтиюд Н. Хорунжего.

На первой странице обложки: «С НОВЫМ ХЛЕБОМ!». Фотоэтиюд А. Шишкина.

Оформление номера Е. Комарова.

Технический редактор Т. Васильева.

К этому номеру дается бесплатное приложение — урок кройки и шитья и рисунок для вышивания коврика.

От редакции:

В ответ на запросы читателей по статье «Больше тысячи», опубликованной в № 7 журнала, сообщаем, что в советской пищевой промышленности при изготовлении консервов применяются только растительные масла высокого качества, в том числе оливковое, кукурузное, подсолнечное, хлопковое и т. д.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24.
А 04657, Подп. к печ. 3/IX 1955 г. Тираж 650 000 экз. Изд. № 764. Заказ 2170. Формат бум. 60×92/8. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

№№ телефонов: Д 3-35-35, Д 3-39-48, Д 3-38-03.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НЕ ВЕЗЕТ!

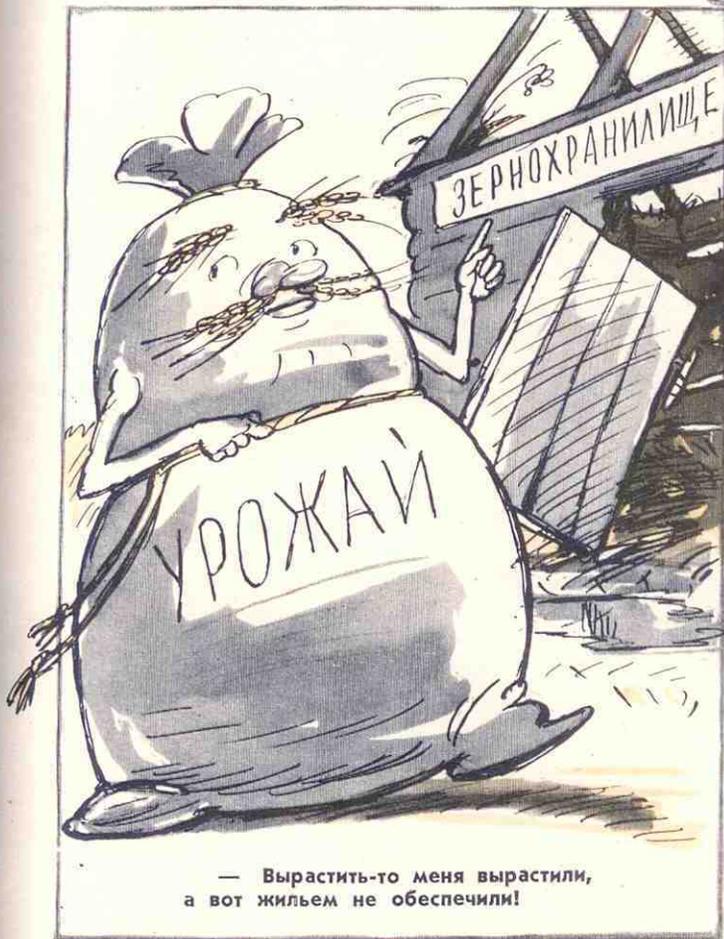
В Барышском районе, Ульяновской области, плохо организован вывоз колхозных овощей на рынок.

Целый день «голосовали»,
А на рынок не попали.

БЕЗ ЖИЛЬЯ

В некоторых колхозах своевременно не позаботились о ремонте помещений для хранения зерна.

— Вырастить-то меня вырастили,
а вот жильем не обеспечили!

СТРАШНЫЙ СОН

Сорок матерей из колхоза «Красная заря», Солотчинского района, Рязанской области, просят открыть детский сад, но председатель колхоза тов. Блинов уклоняется.

И снится страшный сон Блинову.

КОЛХОЗНИКИ И КОЛХОЗНИЦЫ! *Собирайте* ЛОМ ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ!

**БОЛЬШЕ ЛОМА-БОЛЬШЕ МЕТАЛЛА
ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН**